

Пусть ярость благородная

Автор:

Александр Маркова

Пусть ярость благородная

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Второй том альт-исторической саги «Никто кроме нас». Корабельная группа Карпенко-Одинцова завершила рейд по японским морским коммуникациям и теперь находится на исходном рубеже для решающей атаки. Впереди – грандиозное событие, Порт-Артурский канкан, шоу, которое благодарные зрители запомнят надолго. Мир будет потрясен, царь Николай окажется в полном недоумении, для Японской империи наступит начало конца, а у России появится возможность открыть дверь, ведущую в лучшее будущее. В оформлении обложки использован фрагмент картины «Гибель японского броненосца «Хацусе» на русских минах 2 мая 1904 года»

Часть 5. Порт-Артурский канкан

14 марта 1904 года 08:15 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 20 миль юго-западнее Ляотешань. Боевая рубка БПК «Адмирал Трибуц»

Полный вперед – пока, правда, без форсажа. На таком режиме, при работе всех четырех турбин, «Трибуц» способен разогнаться до двадцати четырех-двадцати пяти узлов. Он и разогнался, на лаге двадцать четыре с половиной. По широкой дуге, обходя соединение Того, вместе с «Быстрым» движемся на юго-восток. Именно там, в тылу его кильватерного строя, и начнется атака века.

До начала боя осталось совсем немного времени, в рубке стихли даже приглушенные разговоры. Карпенко взял в руку микрофон общекорабельной трансляции. Сейчас его услышат на всем корабле на всех боевых постах.

– Товарищи, друзья, боевые соратники, офицеры, мичмана, старшины и матросы. Смотрите, перед нами Враг, позади Россия. Россия всегда будет за каждым из нас, какой бы год ни стоял на дворе. Да и Враги тоже у нее были и будут всегда. Теперь наступил момент проверить, не зря ли Родина вооружила нас и поставила в строй для своей защиты, на что мы способны в черный для России день? Вон дымит японская эскадра, построенная на деньги англичан и американцев, ими же оснащенная и обученная. Японцы пришли сюда убивать наших русских людей, наших прадедов и прапрадедов. Напомню – они напали как Гитлер, без объявления войны, ночью атаковав наши корабли, а на следующий день блокировали в Чемульпо «Варяг» и «Кореец». В наших руках оружие возмездия, способное затоптать врага в морскую пучину. Но запасы у нас ограничены, а враги многочисленны, поэтому прошу – не приказываю, а прошу – максимально точно исполнить свои обязанности. Выполнить свой боевой долг на «отлично», чтобы каждый снаряд или торпеда попали точно в цель. Никогда еще у вас не было более придирчивых проверяющих. Помните, что малейший наш огрех может нам дорого обойтись. У врага оружие не учебное – боевое. А мне даже страшно подумать, что может сделать с нашим кораблем двенадцатидюймовый, или даже восьмидюймовый снаряд. Товарищи, с нами Бог, наше дело правое, победа будет за нами. Не подведем наших предков, нашу многострадальную Родину и наш народ...

Карпенко вытер рукой лоб – он все-таки строевой командир, а не оратор. Но помог текст, который составил Одинцов, ну и от себя тоже кое-что удалось добавить. А времени остается все меньше и меньше, до исходных позиций еще около пяти минут.

А кстати, вон и Одинцов – стоит на правом крыле мостика и показывает большой палец, понравилось, значит. Ну ладно, он же не лезет в мои военно-морские дела, а я не буду лезть в его политические. А то при толерастии с либерастией слишком много народа возомнило себя великими политиками и ломанулось покорять политические Олимпы.

* * *

14 марта 1904 года 08–35 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 25 миль юго-восточнее Ляотешаня. Боевая рубка эсминца «Быстрый»

Капитан первого ранга Иванов Михаил Владимирович

Японская эскадра вытянулась поперек моря цепочкой коптящих утюгов. Четко следуя плану операции, мы вслед за «Трибуцем» легли на курс параллельный курсу японской эскадры на сорок пять кабельтовых мористее и с отставанием по дистанции в семьдесят кабельтовых. Напряжение в боевой рубке росло с каждой секундой. Вот пришло время и с гортанным кавказским акцентом звучит команда моего командира БЧ-2 капитан-лейтенанта Гараняна, – «Снаряд осколочно-фугасный, взрыватель на фугас! Товсь!» – Вот уже расстопорены механизмы наведения артиллерийских башен и торпедных аппаратов. План боя и характеристики целей введены в БИУС, а оттуда переданы в СУАО. Операторы, привстав от напряжения, нависли над своими пультами. С каждой секундой приближается рубеж открытия огня. Шестьдесят кабельтовых для «Трибуца» и шестьдесят пять для нас. Шестьдесят – шестьдесят пять кабельтовых, это примерно половина максимальной дальности обеих артсистем, что АК-100 с «Трибуца», что АК-130 с «Быстрого». Траектории при этом весьма настильны, рассеивание невелико, а подлетное время снарядов около семнадцати секунд. Сто тысяч лошадей несут «Быстрый» над волнами в брызгах пены и свисте ветра. Опять это упоение атаки, кружащее голову, как в тот раз. Осталось десять кабельтовых, семь, пять, три, два, один...

Отсюда, из рубки, мне была видна только полусферическая крыша баковой башни и концы стволов, наведенные на врага.

– Огонь! – сказал я негромко, но так что услышали все, кто находился в рубке. – Огонь! – И вспыхнуло пламя и ударил гром.

Десять бесконечных секунд орудия посылали во врага снаряд за снарядом; и вот все смолкло, все двадцать восемь фугасных снарядов – на траектории. Отсчитывая по себя секунды, я поднял к глазам бинокль. Первой жертвой, попавшейся нам в зубы, был бронепалубник «Иосино» или «Ёсино», хрен их япону маму разберет, как они это произносят. Там про нас еще даже не знают и не ведают. Стволы орудий поставлены на ноль и находятся в диаметральной плоскости. А смерть уже отсчитывает последние секунды, первые снаряды уже прошли вершину траектории и подобно снежной лавине катятся на японцев. Какая чушь лезет мне в голову, подумал я, не забывая исправно отсчитывать

секунды. На слове «шесть» японский крейсер скрылся за стеной разрывов. А сверху, подобно каракулевой шапке, распускались цветы разрывов зенитных снарядов, выпущенных с «Трибуца».

– Попал! Ай, попал, молодец, ребята! – в восторге закричал Гаранян. – А ну, поправку, и дай ему еще!

Опали водяные столбы, ветер снес назад дым от взрывов, и стало видно, что Гаранян не ошибся. Три огромные дыры в борту; из одной валил густой дым, разгорающегося в угольной яме пожара. Первая труба завалилась на бок и держится на честном слове, удушливый угольный дым волнами ползет по палубе. Также сильный пожар в корме, сверкает подобно бенгальскому огню – похоже, загорелись картузы первых выстрелов, сложенные у кормового орудия главного калибра. Скорее всего, были и еще попадания просто не столь заметные.

– Вторая! – выкрикивает Гаранян, и снова орудия на десять секунд превращают весь мир вокруг в сплошной грохот и пламя.

Жадно всматриваюсь через бинокль в силуэт японского крейсера. Мне кажется, или он, все-таки кренится на левый борт? Не знаю, а вот пожар в угольной яме явно разгорается и через пробоину уже не только валит дым, но и выбиваются ревущие языки пламени. Как и пожар в корме. Истекли положенные секунды, и цель снова накрыло стеной разрывов. Что это? Над злосчастливым японским крейсером поднимается огромное грязно-серое облако перемешанного с дымом пара. Крен на левый борт уже заметен невооруженным глазом и продолжает нарастать, кроме того, этот «Иосино» замедляет ход и садится носом. Значит, есть еще парочка (или больше) немалых подводных пробоин, куда сейчас десятками тонн вливается забортная вода. Нет, точно не жилец... Отдаю команду:

– Гаранян, четвертая дробь, перенос огня на третью.

До третьей еще далековато, до рубежа открытия огня больше минуты, поэтому жадно всматриваюсь в заваливающийся на борт вражеский крейсер. Его крен уже закритический, и спасти его не теперь не сможет и сам господь Бог. Кроме того, под воду ушли практически все пробоины левого борта, пламя и дым пожара сменились столбом густого пара. Еще немного – и, потеряв остойчивость,

«Иосино» переворачивается кверху днищем, подобно большой снулой рыбе. А мы уже накатываемся на следующего «клиента». По схеме это должен быть крейсер «Такасаго». Там уже заметили конфуз, постигший поделщика и явно забежали, засуетились. Куда-то, примерно в нашу сторону, даже бухнула кормовая восьмидюймовка. Недолет кабельтовых двадцать пять, да и точность прицеливания оставляет желать лучшего. Но время его существования в этом мире уже истекло. «Трибуц» и «Быстрый» пересекли невидимую черту, и снова заговорила наша артиллерия. Конец японского крейсера был быстрым и ужасным – в районе кормовой восьмидюймовки, на десятки метров вверх, ударил радужный фонтан кордитного пламени. Именно так в нашей истории в мае сорок первого погиб британский линейный крейсер «Худ». Все остальные повреждения, нанесенные нашими снарядами этой японской «собачке», меркли перед тем, что натворил снаряд, который в нужном месте, под нужным углом пробил борт, две внутренних переборки, и рванул в кормовом погребе ГК. Внутренние герметичные переборки и клинкетные двери рассчитаны на сопротивление давлению забортной воды, а не раскаленных до трех тысяч градусов пороховых газов. Волна огня – такая, какую любят снимать в голливудских фильмах – должна была прокатиться у него от кормы до носа, выжигая внутри все живое и неживое. Гаранян только глянул в мою сторону, я опустил бинокль и кивнул – и он сам задрожал стрельбу. Тратить боеприпасы фактически уже на труп корабля не имело никакого смысла. Пока до открытия огня по следующей нашей цели оставалось около двух минут, я перевел бинокль в голову японской кильватерной колонны. Японский адмирал уже должен был понять, что хвост его колонны кто-то нагло убивает. И точно – вверх по мачтам побежали сигнальные флаги... Ну... то, что это будет поворот на левый борт на восемь румбов, это к гадалке не ходи, но какой? Последовательно за флагманом, или все вдруг? Пес их разберет, эти японские сигналы. Хотя, насколько я помню, у японцев дело с исполнением команд поставлено четко, так что через минуту с небольшим узнаем... Есть! «Микаса» ворочает влево, а все остальные пока идут прежним курсом. Карпенко не ошибся – адмирал Того выбрал самый консервативный вариант маневра, чем, в принципе, и подписал себе смертный приговор. А мы пока вернемся к нашим баранам – до рубежа открытия огня по крейсеру «Читосе» остались считанные секунды. Интересно, что о нас думает контр-адмирал Дэва, который несет свой флаг на «Касаги»? Ведь мы для него выглядим как крейсера первого ранга с фантастическим весом минутного бортового залпа. Ведь на его крейсере на один борт может быть шесть орудий со скорострельностью шесть выстрелов в минуту и весом снаряда в двадцать четыре килограмма. Вес минутного бортового залпа – восемьсот шестьдесят пять килограммов. Обе башни «Быстрого» в минуту выбросят к цели сто восемьдесят снарядов весом в тридцать шесть килограмм, минутный вес

бортового залпа при этом составит шесть тонн четыреста восемьдесят килограмм. И вот появившаяся неведомо откуда Немезида уже сожрала два крейсера и подбирается к третьему. Все, время – очередь! Согласно предварительному плану, рубеж открытия огня для «Читисе» и «Касаги» составлял уже по сорок пять и пятьдесят кабельтовых соответственно. На такой дистанции процент попаданий приближается к пятидесяти процентам, а это двенадцать-тринадцать снарядов в залпе. Кроме разрывов прямых попаданий, превративших быстроходный крейсер в хромающую развалину, несколько высоченных водяных столбов встают у самого борта, что может означать обширные подводные пробоины. Тут я понимаю, что мы с Карпенко несколько переложили японцам сладкого. Они и половину предложенной нами порции съесть не могут. Я колеблюсь, задробить вторую очередь или нет, но японец начинает валиться на борт, когда снаряды уже в пути, и остается только сожалеть о напрасно потраченных боеприпасах. Нет, кажется, Гаранян самостоятельно прервал очередь и вместо семи стволы выпустили только по три-четыре снаряда. Перевожу бинокль вперед и успеваю заметить, как от «Трибуца» к замыкающему строй броненосной эскадры японскому тяжелому трехтрубному крейсеру тянется белая полоса кавитационного следа от торпеды «Шквал». Три трубы – значит, «Якумо», немец по происхождению. Карпенко заранее передал нам карточки опознавания японских и русских кораблей. И так же, как с Одинцовым, мы раскладывали политические пасьянсы, точно также с Карпенко раскладывались пасьянсы тактические. Но кто бы он ни был, он уже покойник, пусть ему это пока и неизвестно. От «Шквала» спасения нет – ни в наши времена, ни тем более сейчас. Перевел бинокль на «Читосе» и успел увидеть, как он ложится на борт – здесь уже все. А адмирал Дэва на «Касаги» решился – ложится в левую циркуляцию с явным намерением идти на сближение. А вот фиг вам, господин контр-адмирал! Хлопаю по плечу Гараняна:

– Армен Ашотович, цель номер один, огонь немедленно!

Сопровождение цели ведется непрерывно, команду мою слышат и операторы, и поэтому, не успел командир БЧ-2 отрепетовать, как загрохотала артиллерия. Все, чего сумел добиться Дэва – это поставить свое корыто к нам левым бортом на пятидесяти кабельтовых. А еще немного сбить наводку по дальности. На этот раз все попадания были или в надстройки, или в верхнюю часть корпуса. Перебитая взрывом, рухнула за борт фок-мачта, один из снарядов попал под первую трубу и теперь там разгорался пожар от раздробленных в щепу шлюпок. Из дыр в трубе удушливый дым стелился вдоль палубы. Кроме этого, носовой каземат взрывом нашего снаряда и детонацией боекомплекта был вывернут практически наизнанку. Но подводных пробоин не было, и «Касаги» продолжал

циркуляцию. Когда до него дошла следующая очередь, он был к нам уже в ракурсе «три четверти». Прицел был уже снижен и снаряды били или в борт над ватерлинией, или, при небольшом недолете, ныряли, чтобы взорваться под водой под днищем или у борта. А вот этого варварского обхождения ослабленный корпус японского крейсера не перенес. Когда опала пена от взрывов, японский крейсер быстро уходил носом под воду, как подводная лодка при экстренном погружении. С этим все. Перевожу взгляд вперед. Успел! В бинокль видно, как «Шквал» выпущенный с «Трибуца» попадает под кормовую башню в... у крейсера две трубы, значит это «Асама», а куда же потерялся «Якумо», в которого Карпенко стрелял первым? Значит, пока я разбирался с «Касаги», он успел получить свою порцию и полностью утонуть. Жаль, не удалось за его гибелью наблюдать самому. Так быстро может утонуть только корабль, разломившийся пополам по миделю от взрыва котлов. Ну уж тот же процесс в исполнении Асамы я пронаблюдаю с удовольствием – взрыв боевой части «Шквала» и последующая детонация погребов оторвали убийце Варяга корму, и теперь он погружается в воду, задирая нос высоко в небо. А «Быстрый» уже ложится вслед за «Трибуцем» в правую циркуляцию, на контркурсах разворачиваясь левым бортом к японской броненосной эскадре, торпедный аппарат уже наведен на цель – вот он, момент истины. Того всей своей броненосной тушей влез в расставленную для него ловушку. Все готово. Мой командир БЧ-3, кап-три Шульц – из немцев один из последних (если не последний) на нашем флоте. На всю жизнь запомнил его слова: «Мой пращур, рижский дворянин, дал присягу еще Петру Алексеевичу – служить России, и за себя и за свое потомство. И вот мы, Шульцы, уже триста лет не изменяли этой присяге, ни в четырнадцатом, ни в семнадцатом, ни в сорок первом. И не изменим никогда, пока существует наш род и Россия...»

В общем, если в природе и бывает идеальный командир минно-торпедной боевой части, так это он, Андрей Федорович. Залп рассчитан до миллиметра. В нашем прицеле «Микаса» и «Асахи». Команда «Пли!» – две огромные темно-зеленые рыбины одна за другой ныряют за борт. Оглушающий, постепенно стихающий, рев и белые кавитационные следы, тянущиеся к броненосцам-жертвам. «Трибуц» тоже дал залп, только следы его торпед плохо видно. Ну ничего, посмотрим на результат. А ведь все шесть японских броненосцев – не более чем жертвенные барашки, предназначенные на заклание на алтаре бога справедливости. В руках у Шульца тикает секундомер, в рубке все замерли... Вдруг носовую часть «Микасы» подбрасывает сильнейшим подводным взрывом прямо под башней ГК. Мгновение спустя детонирует боекомплект – и в дальнейшем об адмирале Того можно будет забыть. Хотя взрыв «Шквала» под килем для броненосцев в пятнадцать-тринадцать тысяч тонн не лечится в любом

случае, даже без детонации БК. Окидываю взглядом японский кильватер и вижу картину, которая мне как медом по сердцу – все броненосцы взрываются и тонут. Ну, слишком мала дистанция и слишком неуклюжа цель, чтобы при прицеливании под первую трубу «Шквал» мог отклониться больше, чем на тридцать метров в ту или другую сторону. А там или один из двух погребов ГК рванет, или котлы. Ибо взрыв четырехсот килограмм ТГА выносит напрочь по двадцать–тридцать квадратных метров обшивки днища и как спичку ломает стальную балку кила. Нет, пленных сегодня будет явно минимум.

Я поворачиваюсь к своим офицерам – именно сейчас, в этом бою, эти люди стали мне своими; и, кажется, это будет самый лучший день моей жизни. Именно сейчас я ощутил то единство, которое и называется боевым братством. Как жаль, что в тот самый момент когда я обрел это ощущение единства, я должен буду его снова потерять. Ибо дальнейший мой путь не с ними, а в далекий и таинственный для меня Санкт-Петербург тысяча девятьсот четвертого года. Но Одинцов прав, эту работу лучше всех смогу сделать только я. Но хватит об этом, а сейчас... я беру в руку микрофон громкой связи.

– Товарищи офицеры и матросы, говорит командир. Мы победили, японская эскадра полностью уничтожена! Благодарю всех за отличную боевую работу!

– Ура! Ура! Ура! – минуту по боевым постам и переходам перекачивается восторженный рев. Ведь большая часть команды не видела того, что творилось наверху. Они слышали команды, обращенные только к ним, и видели показания приборов. Не более двух десятков человек подобно мне наблюдали сражение во всей красе. А посему... В рубку заходит мой замполит, стряхивая со штормовки водяные брызги, в руках у него цифровая полупрофессиональная видеокамера. Так сказать, сохранили момент для истории. Потом я узнал, что по распоряжению Карпенко с «Трибуца» тоже велась съемка, аж двумя камерами – с левого крыла мостика, и на корме из под вертолетной площадки. Именно со стоп-кадров этой камеры художник Верещагин и напишет свою знаменитую картину – Атака «Быстрого».

* * *

14 марта 1904 года 08–35 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 25 миль юго-восточнее Ляотешаня. Боевая рубка БПК «Адмирал Трибуц»

Капитан первого ранга Карпенко Сергей Сергеевич

Ну вот и все! Мы целых две недели готовились к этому моменту, и вот он настал. Сейчас мы, распахнув пинком дверь, начнем творить историю, начисто стирая старый ее вариант. Я сам не заметил, как сдвинул фуражку на затылок – не до этого; истекают последние секунды Старой Истории. Пока наше вмешательство было минимальным – вспомогательный крейсер, канонерка и старый бронепалубник почти ничего не решают на весах истории, как мало что решают несколько захваченных или потопленных пароходов с военными грузами. Для Японии это неприятно, но терпимо. Сейчас же мы замахнулись серпом на самое дорогое, что есть у Японской империи – ее Первую боевую эскадру. Это после разговоров с Одинцовым у меня прорезался этакий стратегический взгляд, возможность оценивать далекие последствия принимаемых решений.

Через остекление рубки мне хорошо видны обе орудийные башни, их стволы чутко сопровождают свою цель. Вот Трибуц пересекает некоторую невидимую черту, и они начинают молотить, выбрасывая на траекторию снаряд за снарядом. На первом этапе операции «Трибуц» только ассистент при «Быстром». Он двигается в нашем кильватере и его артиллерия обладает значительно большим могуществом, чем наши стомиллиметровки. Наблюдая гибель «Иосино», а потом и «Такасаго», я все мучился сомнением, а не слишком ли толстый слой шоколада в нашем сникерсе? Особенно впечатляла гибель «Такасаго», который сгорел как спичка, подобно «Худу». Но в бою уже поздно менять планы, да и видно, как командир «Быстрого» оперативно дробит стрельбу по уже пораженным целям и переносит их на следующие. Значит, значительного перерасхода боеприпасов не будет. К тому же адмирал Того повел себя совершенно предсказуемо, последовательно повернув влево, в сторону открытого моря. Ну, значит, о нем можно пока не беспокоиться – никуда он не денется с подводной лодки. Когда «Быстрый» расправлялся с «Читосе», моя БЧ-3, под шумок, засадила «Шквал» по «Якумо». И тут взбесился «Касаги»; то есть, конечно, взбесился не крейсер, а контр-адмирал Дэва, который уже остался без своего отряда, но для стороннего наблюдателя все это выглядело весьма странно... Маленький крейсер начал закладывать левую циркуляцию, стремясь сблизиться хоть с кем-нибудь из нас на контр-курсах в ближнем бою. А на один борт у него могут бить две восьмидюймовки и три двадцатимиллиметровки. И тут уже нам есть шанс схлопотать свое золотое попадание. Я уже было хотел потратить на этого бузотера один «Шквал». Это примерно то же, что стрелять по оленю из гаубицы. Но «Быстрый» не подвел. Он буквально загнал этот «Касаги» под воду двумя очередями своих орудий. А мы тем временем взяли на мушку и пристрелили «Асаму». Честное слово, пока я

глазел, как «Быстрый» разбирается с «Касаги», как-то успел утонуть «Якумо». Мой ком БЧ-3, кап-три Шурыгин, который не глазел по сторонам, а командовал торпедной атакой, потом мне сказал, что у «Якумо» «Шквал» рванул ровно под котлами, отчего тот разломился пополам и затонул как топор. Да и на камере, которой снимал Одинцов, весь процесс по хронометражу занял секунд тридцать, не больше. Угу, зато процесс погружения «Асамы» с оторванной кормой, строго вертикально носом вверх, я наблюдал воочию и с превеликим удовольствием. А наш «Трибуц» уже закладывал правую циркуляцию, становясь к японской броненосной эскадре левым бортом. А она, милая, вытянулась в нитку и, форсируя машины, пытается выскочить из мышеловки. Наверняка механики уж и котлы заклепали? Ну что же, господа японцы, чем дальше в лес, тем злее партизаны. Вот мой командир БЧ-3 уже откинулся от пульта – а раз так, значит, все введено в БИУС и что-то менять, это только портить. Успеваю повернуть голову и увидеть, как подобно пингвинам с айсберга один за другим ныряют в воду тяжеленные «Шквалы», ложась на курс атаки и вспенивая воду кавитационными следами. Все, ставки сделаны, рулетка крутится.

* * *

14 марта 1904 года 08–35 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, Золотая гора

Наблюдательный пункт Первой Тихоокеанской эскадры.

Лейтенант Соболевский преник к окулярам цейссовского бинокля. Артиллерийские офицеры с поврежденных двадцать шестого января кораблей согласно графику дежурили на наблюдательном пункте флота. Сегодняшняя команда из офицера и трех матросов-сигнальщиков была с броненосца «Цесаревич». Этой ночью японские брандеры опять попытались заградить проход на внутренний рейд, и, очевидно, идущий сейчас к берегу японский флот прибыл проверить результат ночной попытки. Наверяд ли Того полезет под снаряды Электрического утеса, – думал лейтенант, вглядываясь в японские броненосцы, похожие на огромные угольные утюги. Сегодня к Порт-Артуру пришла вся эта проклятая Первая Боевая эскадра – шесть эскадренных броненосцев, два броненосных и четыре бронепалубных крейсера. Лейтенант переводил бинокль с одного японского корабля на другой – ничего особенного. Остался самый последний из бронепалубных крейсеров, и тоже ничего необычного.

Лейтенант опустил бинокль. «Можно смотреть на японский флот хоть час подряд, но так ничего нового и не увидеть... – подумал он с раздражением. – Проход япошкам загородить не удалось, русская эскадра выходит на внешний рейд. Вот пришел Того, а дальше все будет как в предыдущие его визиты – ляжет в дрейф за пределами дальнобойности береговых батарей, пару часов нервы потрепет и уберется восвояси. Электрический Утес уже давно научил японцев не совершать необдуманных поступков. И сегодня тоже все будет как обычно...»

– Ваше благородие, – прервал его размышления голос сигнальщика, – а что это там такое, вроде бы следы как от кораблей, а кораблей-то и нет...

– Где, Акимушкин? – лейтенант осмотрел горизонт. – Ничего не вижу...

– Да вон же, ваше благородие, – матрос показал пальцем, – прямо за крайним японцем и чуть левее, у самого горизонту...

Соболевский поднял к глазам бинокль.

– Ну и глаза у тебя Акимушкин, прямо как телескопы! Там же больше восемнадцати миль будет. Действительно, белые полосы кильватерных следов есть, а больше ничего – ни дымов, ни кораблей... Да нет, мелькает что-то, только не разобрать... И скорость у них побольше двадцати узлов...

Лейтенант еще пытался разглядеть смазанные силуэты в мелькании теней и бликов, как там, посреди этого хаоса, часто засверкали яркие вспышки, сливаясь в четыре пульсирующих огня. И тут, как-то в одночасье – может, бинокль сам навелся на резкость – но из путаницы пятен и бликов прорезались два низких острых силуэта крейсеров. Лейтенанту казалось, что они просто летят над волнами. А вспышки могли быть орудийными выстрелами; но пушка не может стрелять с такой скоростью! Лейтенанту не приходило в голову ничего, кроме картечи Нордфельда, увеличенной, к примеру, до калибра двадцатимиллиметровой пушки. Совершеннейшая глупость... он еще отгонял от себя этот, совершенно кошмарный образ, как вдруг Акимушкин закричал:

– Вашбродь, концевой япошка под обстрелом!

Соболевский успел вскинуть бинокль и увидеть, как вокруг японца встает стена водяных столбов; судя по силе взрывов, снаряды были не меньше чем восьмидюймовые. Были и прямые попадания; за японцем потянулась густая полоса жирного дыма, выбивающегося откуда-то с невидимого для лейтенанта борта. Казалось, что этот бронепалубник только что побывал в бою не меньше чем с эскадрой.

– Сереж, – окликнул он мичмана-дальномерщика, своего сослуживца, – определи, будь добр, столько до тех двух крейсеров?

Одновременно он пытался разглядеть их флаг, но все равно выходило, что если уж эти корабли открыли огонь по японскому крейсеру, то флаг должен быть русским, ну, или... черногорским. Больше государств, ведущих войну с Японской Империей, на земном шаре не имелось. Кстати, черногорский военно-морской флаг тоже синий, Андреевский крест на белом поле, и от русского его никак нельзя отличить из-за полной идентичности.

Пока лейтенант размышлял, мичман Константинов, прикинув к визиру, крутил ручки настройки дальномера Барра и Струда.

– Василий Петрович, очень трудно определить, он весь расплывается, но где-то кабельтовых сто семьдесят, сто восемьдесят...

– А до концевого японца? – лейтенант опустил бинокль, давая глазам отдохнуть.

Секунд двадцать мичман молчал, а потом...

– Василий Петрович, а японца-то уже нет, утоп паскуда!

– Как утоп?! – лейтенант Соболевский вскинул взгляд к горизонту – и точно, и невооруженным глазом было видно, что японских бронепалубных «собачек» стало на одну меньше. А неизвестные крейсера явно нацеливались на следующую.

– Акимушкин, – окликнул лейтенант сигнальщика, – вызывай телефонную станцию флота. – а сам еще раз взгляделся через бинокль в размытые силуэты.

Таинственные крейсера уже приблизились, но все равно было еще слишком далеко, чтобы разглядеть флаг даже в восьмикратный цейсовский бинокль... разве что лишь то, на кормовой надстройке головного крейсера был нарисован огромный Андреевский флаг, отчетливо видимый даже с такого расстояния.

– Ваше благородие, – Акимушкин протянул лейтенанту телефонную трубку, – станция на проводе.

Соболевский начал лихорадочно соображать, какими словами он будет докладывать капитану второго ранга Никольскому... потом вздохнул, взял трубку и произнес:

– «Берег», я «Гора», совершенно отчетливо вижу, как с направления норд-ост японскую эскадру атакуют два весьма быстроходных крейсера под Андреевским флагом, странной конструкции. На данный момент ими уже потоплен один бронепалубный крейсер японцев. Так точно, господин капитан второго ранга, потоплен. После второго массированного обстрела восьмидюймовыми снарядами перевернулся через левый борт и затонул. Да, так точно, на головном атакующем крейсере Андреевский флаг, виден достаточно отчетливо... В настоящий момент эти крейсера ведут обстрел следующего японца в линии... Никак нет, господин капитан второго ранга, я не пьян...

В этот момент над морем взлетел в небо многосаженный факел жаркого кордитного пламени, который уже был виден всем – от адмирала Макарова до последнего палубного матроса.

* * *

14 марта 1904 года 08–37 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, в 15 милях на траверзе горы Крестовая. Мостик бронепалубного крейсера «Касаги».

Контр-адмирал Дэва пребывал в раздумьях. Очередной бесплодный выход к Порт-Артуру, в котором еще некоторое количество дорогого кардифского угля сгорит в топках броненосцев и крейсеров, но ничего не решится. Судя по тому, что русские корабли выходят на внешний рейд, операция по перекрытию прохода в очередной раз провалилась. Пусть у Макарова и вдвое меньше кораблей, но опираясь на орудия крепости он может нанести Первой боевой

эскадре если не поражение, то неприемлемый ущерб. Проклятый Электрический Утес – еще ни разу японские корабли не уходили из-под него без пары десятидюймовых подарков от русских артиллеристов. Он один стоит хорошего броненосца, тем более что Золотую гору невозможно потопить. Полет мысли адмирала был прерван отдаленными глухими звуками взрывов и отчаянным криком сигнальщика: «Ёсино» горит!»

Дэва-сан решил, что после возвращения на якорную стоянку он обязательно накажет смерда, оборвавшего его мысль, за несдержанность. А сейчас он взял из рук адъютанта бинокль и направил свой взор в конец строя. «Ёсино» действительно горел, причем так, будто уже не меньше часа находился в тяжелейшем бою. В бинокль был виден вполне ощутимый крен, и густые клубы черного дыма, вырывающиеся из не видимых отсюда пробоин в левом борту. Иногда среди дыма сверкали багровые языки ревущего угольного пламени. Именно так христиане изображают ад... «Но как же так? – растерянно подумал контр-адмирал, – всего пять минут назад все было нормально. И кто же его обстрелял, совершенно никого не видно? И, самое главное, чем?!»

Недоумения адмирала рассеялось тогда, когда среди волн засверкали вспышки выстрелов. Причем эти вспышки были такими частыми, что сливались прямо в какую-то вольтову дугу. «Вот они...» – подумал контр-адмирал, разглядывая узкие хищные силуэты, покрытые неровными, серо-голубыми треугольными пятнами в тон беспокойного моря. Не успело сердце адмирала ударить и пятнадцати раз, как вокруг и без того поврежденного «Ёсино» встали столбы воды. Взрывов было много, и их сила соответствовала шести-, а то и восьмидюймовым японским снарядам. Чуть позже снова докатился приглушенный грохот. Каким-то краем сознания контр-адмирал отметил, что снаряды рвутся не сразу... всплески от их падения встают несколько в стороне от борта, а вот пенные столбы взрывов поднимаются по оба борта обреченного крейсера, хотя гуще все-таки под левым. Значит, эти снаряды, хитрое изобретение злобных северных варваров, при недолете падают в воду, взводят взрыватель, и, пока горит замедлитель, успевают пройти под днище корабля и лопнуть там, наподобие маленькой морской мины. Нацеленные правильно, падают в воду у самого борта и, ударяясь в борт ниже ватерлинии, рвутся, нанося ужасные подводные пробоины в самом уязвимом месте. А перелеты попадают в борт и надстройки, вызывая разрушения и пожары. Какие злобные западные демоны надумили русских на этот разрушительный прием? У адмирала даже мгновенно сложилось название – «Стрельба на недолетах». А вот «Ёсино» обречен, его крен уже превысил тридцать градусов, и до опрокидывания вверх килем остались считанные секунды. А эти морские

хищники, пожиратели плоти японских моряков, приближались к следующему кораблю отряда – «Такасаго».

– Передайте на «Микасу», – ровным голосом сказал контр-адмирал Дэва сигнальщику, – «Атакован русскими крейсерами, веду бой. Прошу Вашего разрешения выйти из строя и контратаковать противника на контркурсах». Не успел сигнальщик нанизать флаги на фал, как и у «Такасаго» вышло время его жизни. Сначала контр-адмирал увидел, как по русским с сильным недолетом выстрелила его кормовая восьмидюймовка. А ведь это орудие страдало от отсутствия точности, а не дальноточности; значит, русские каким-то образом вели огонь с совсем уж запредельных дистанций. Потом на «Такасаго», как и раньше на «Ёсино», обрушился смертоносный шквал русского огня и металла. Только конец его был куда более скорый и страшный. Откуда-то с кормы (скорее всего, из элеваторов подачи боеприпасов к восьмидюймовому орудью) в небо рванул столб радужного пламени высотой больше сотни футов. Про себя Дэва заметил, что так может гореть только кордит. Несколько секунд спустя до корабля докатился громовой свист и рев, в котором контр-адмиралу слышался торжествующий хохот демонов, получивших сегодня богатую жертву. Меньше чем за пять минут контр-адмирал лишился половины своего отряда, а русские крейсера и не думали останавливаться. В бинокль было видно, что теперь стволы их орудий наводятся на «Читосе». Это не морские хищники, нет, это два крейсера-убийцы, выбравшие сегодня жертвой его отряд. «Почему же молчит Того?» – с отчаяньем думал Дэва, понимая, однако, что несправедлив к своему командующему – просто тот еще не успел ответить, слишком уж медленен разговор с помощью сигнальных флагов. Вот над мачтами «Микасы» поползли какие-то флажки...

– Господи контр-адмирал, – подошедший сигнальщик поклонился, – вице-адмирал Того дает вам свое разрешение.

– Поздно, – с горечью произнес Дэва, наблюдая, как «Читосе» исчез за стеной разрывов. – Теперь у меня остался только мой флагман «Касаги». Но долг самурая тяжел как гора, а смерть легка как перышко. Идэ-сан, – обратился он к командиру крейсера, – передайте на машину, пусть дадут самый полный ход, да – и пусть инженер-механик надежно заклепает клапана, сдастся мне, их уже не придется расклепывать. Рулевому лево на борт, циркуляция на шестнадцать румбов с минимальным радиусом. Идем в атаку на контркурсах. Я надеюсь, вся команда этого доблестного корабля готова умереть за своего императора? Так, как уже сделали их товарищи на «Ёсино», «Такасаго» и «Читосе»? – ответом ему

был крик «банзай!» собравшихся на мостике офицеров.

Крейсер уже ложился в циркуляцию, когда марсовый закричал:

– Головной русский крейсер выпустил мину! Идет на «Якумо»!

«Какая может быть мина за восемьдесят кабельтовых? – пренебрежительно подумал Дэва, – этот смерд совсем помешался от страха смерти...».

Потом вдруг со стороны послышался нарастающий шум, будто приближается курьерский поезд, и контр-адмирал все-таки глянул в море, остолбенев от увиденного. То, что с дьявольским грохотом и воем молнией пронеслось под водой мимо борта его крейсера, оставляя позади себя не тоненький след пузырьков, а широкую быстро тающую вспененную колею, никак не могло быть миной Уайтхеда. Никакая самодвижущаяся мина никогда не сможет двигаться вдесятеро быстрее самого быстроходного корабля; ничто, сделанное руками человека, не сможет вот так испаривать воду, будто бритвой. Впервые адмирал почувствовал обреченность. «Мы воюем с демонами, а их победить нельзя. Это конец...» С болезненным любопытством контр-адмирал наблюдал, как тянулся к «Якумо» белопенный указующий перст. Вот он воткнулся в борт прямо под средней трубой – и исполинский взрыв разломил лучший броненосный крейсер Объединенного Флота пополам. Это было последнее, что Дэва-сан видел в своей жизни, потому что на «Касаги» уже обрушился рой русских снарядов. Взрывная волна от фугасного снаряда, перебившего фок-мачту у основания, подбросила бесчувственное, кувыркающееся тело адмирала далеко вверх, а потом с размаху шлепнула его о холодные воды Желтого Моря.

Теперь контр-адмирал Дэва был мертв – он унес в свою морскую могилу все свои мысли и догадки. Вообще из личного состава третьего боевого отряда этот день не пережил ни один человек. А события продолжали катиться дальше, как катится вниз горная лавина.

* * *

14 марта 1904 года 08–48 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 20 миль юго-восточнее Ляотешаня. Боевая рубка БПК «Адмирал Трибуц»

Капитан первого ранга Карпенко Сергей Сергеевич.

– Ну, с Богом, Андрей Александрович, держите кулаки... – Я вдруг неожиданно перекрестился. – Чтоб, как говорится, «в сторону не вильнула»!

Через остекление рубки было видно, как тянутся к японским броненосцам кавитационные следы шести «Шквалов». Четырех – от «Трибуца» и двух – от «Быстрого». Промаяхнуться «Шквалом» с такой дистанции и по такой цели было принципиально невозможно, а все волнение было только от нервов. Слишком много всего было вложено именно в этот момент. Кажется, у коллег товарища Одинцова эта фаза операции называется «момент истины». Вон он стоит, снимает на видеокамеру исторический момент. Тем временем в рубке мерно щелкает секундомер в руке капитана третьего ранга Шурыгина. Все замерли в напряжении.

Как и положено, первыми дошли «Шквалы», выпущенные «Быстрым» по двум головным японским броненосцам. Сначала, через одну минуту тридцать семь секунд, «Микаса» буквально подпрыгнул вверх – сначала от взрыва «Шквала» под носовой башней ГК, а потом и от взрыва боекомплекта. Массивная туша с полуоторванным носом легла на левый борт, перевернулась кверху килем и, сверкнув в воздухе бешено вращающимися винтами, камнем затонула. Жирное черное облако шимозного и угольного дыма траурной пеленой накрыло место последнего упокоения вице-адмирала Того и почти тысячи японских моряков. Старший флагман эскадры пережил младшего меньше, чем на пять минут.

«Асахи» получил свое через восемь секунд после «Микасы». Вода столбом встала с обеих сторон корпуса прямо под второй трубой. Секунду спустя броненосец окутался паром – от сотрясения лопнули соединения паропроводов и трубки котлов. А затем холодная морская вода ворвалась в топки, и взрыв котлов довершил работу боевой части торпеды. Высоко вверх взлетели обломки машин и механизмов, фрагменты палубы и раструбы котельных вентиляторов. А потом море расступилось и поглотило японский броненосец, как будто его и не было.

Еще пара секунд – и рвануло почти так же под котельным отделением броненосца «Фудзи», третьего в колонне. Над японским кораблем поднялось черно-белое облако дыма и пара. Первоначально повреждения затронули только котельное отделение, и поэтому команде, отчаянно борющейся с нарастающим левым креном, казалось, что все еще обойдется... Но несколько секунд спустя каким-то образом вода проникла и в носовую кочегарку – грохнул еще один

взрыв и, кренясь все быстрее, броненосец перевернулся кверху днищем, показав всем огромную дыру, в которую свободно мог въехать поезд.

Через восемь секунд после «Фудзи» со страшным грохотом взорвался броненосец «Ясима», четвертый в колонне. «Шквал» поразил его под кормовую башню ГК.

Броненосец «Сикисима» был поражен в район кормы, за башней ГК. Я представлял себе тяжесть повреждений – уничтожены рулевые машинки, оторваны или перекручены лопасти винтов, выгнуты гребные валы и рассыпались подшипники. И, кроме того, пробоина, через которую строем и не нагибаясь промарширует рота солдат. Кажется, сегодня его судьба стать русским трофеем.

Вот и из-под кормы замыкающего броненосца поднялась разъяренная взрывом вода. «Хацусе» (а это был он) теряя ход и садясь поврежденной кормой, повалился в теперь уже неконтролируемую левую циркуляцию. Судя по всему, его руль оказался заклинен в положении левого поворота, а действовала только правая машина. Такое впечатление, что на «Шквале» была неправильно установлена глубина хода, и он взорвался у борта, а не под днищем. Но все равно броненосец был обречен. Все, что он мог делать, это бессмысленно кружить на месте. Крен с десять градусов на левый борт хоть и не был критическим, но напрочь исключал артиллерийскую стрельбу. Однако с этим геморроем разбираться уже Макарову, а я пас, свою работу мы сделали. За все время боя японская эскадра не произвела ни одного выстрела главным или хотя бы средним калибром.

– Ну, вот и все, товарищи, – я пригладил волосы и снова надел многострадальную фуражку, которую мял в руках «всю дорогу», – адмирала Того больше нет, и его флота тоже.

Затем кто-то подал мне микрофон и я продолжил, уже во всеуслышание:

– Товарищи, офицеры, мичмана, старшины, матросы... Сегодня вы выполнили свою задачу, сегодня вы молодцы! Слышите, вы все сегодня молодцы! Объявляю всей команде благодарность перед строем.

* * *

14 марта 1904 года Утро. Внешний рейд Порт-Артура. Мостик бронепалубного крейсера 1-го ранга РИФ «Аскольд».

Присутствуют:

Вице-адмирал Степан Осипович Макаров – Командующий Тихокеанским флотом РИ

Капитан 1-го ранга Николай Карлович Рейценштейн – командующий крейсерским отрядом Порт-Артурской эскадры

Капитан 1-го ранга Константин Александрович Грамматчиков, – командир крейсера

Полковник Александр Петрович Агапеев – начальник военного отдела штаба Тихоокеанского флота РИ

Лейтенант Георгий Владимирович Дукельский – флаг офицер адмирала Макарова

К вице-адмиралу Макарову подошел его флаг-офицер, лейтенант Дукельский.

– Ваше Высокопревосходительство, Степан Осипович, разрешите обратиться? Срочная депеша с Наблюдательного поста флота на Золотой горе!

– Слушаю, лейтенант, – кивнул Макаров.

– Сообщают, что с юго-востока к Артуру подходит японский флот: отряд из шести броненосцев и двух броненосных крейсеров, за ним в кильватере крейсерский отряд контр-адмирала Дэва из четырех бронепалубных крейсеров.

– Поднять сигнал, броненосцам ускорить выход в море, – бросил Макаров Дукельскому и повернулся к капитану первого ранга Рейценштейну. – Вот видите, Николай Карлович, ваши крейсера уже на внешнем рейде, а броненосцы едва ползут. Медленно выходит эскадра, медленно!

Вице-адмирал Макаров повел биноклем, осматривая горизонт.

– Раз, два, пять, восемь, двенадцать... – произнес он. – Господа, адмирал Того вытащил сюда весь свой флот. А у нас после сегодняшнего конфуза с «Севастополем» и «Пересветом», сил ровно вдвое меньше. На три наших броненосца у Того шесть, на один наш броненосный крейсер у Того два, на два наших бронепалубных крейсера у Того четыре...

– Степан Осипович, – огладил бороду Рейценштейн, – а разве вы не берете в расчет «Диану»?

– А разве «Диана» – крейсер? Она, что может бегать наперегонки с японскими «собачками», как «Новик» или «Аскольд»? Потеря «Боярина» и «Варяга» – вот это и в самом деле потеря для отряда крейсеров... А две ваших сонных богини, Николай Карлович, даже японских броненосцев не догонят. У тех проектная скорость на полузла больше. И, соответственно, уже их поймают всяк, кому не лень. А это для крейсера смертельно. Так что, Николай Карлович, для ваших «богинь» надо придумывать какой-то новый класс кораблей. А то название «тихоходный крейсер» звучит как «сухая вода», или «жареный лед»; такие корабли в настоящих условиях годятся только гардемаринам для практики, и только...

Неизвестно, что еще хотел сказать адмирал Макаров, весьма кстати раздраженный сегодняшним происшествием со столкнувшимися броненосцами, медленным выходом эскадры, да еще и не выпавшийся после ночного аврала с отражением набега брандеров. Только вот в восьмидесяти кабельтовых от «Аскольда» над одним из японских бронепалубных крейсеров внезапно встал столб пламени в несколько десятков саженей высотой.

– Константин Александрович, – Макаров повернулся к командиру «Аскольда», – дайте-ка мне ваш бинокль... – минуту он молча наблюдал за японской эскадрой, потом опустил бинокль. – Господа офицеры, кто-нибудь может объяснить, что происходит?

– Степан Осипович, – ответил Рейценштейн, не опуская бинокля, – ясно только одно – кто ведет бой с отрядом бронепалубных крейсеров. И они уже уменьшили этот отряд на две единицы... Степан Осипович, гляньте сами – концевой японский крейсер под обстрелом. Такое впечатление, что по нему бьёт целая

эскадра, не меньше трех десятков стволов калибром в восемь дюймов. Причем под покрытие японца взяли с первого же залпа, и кучность выше всяких похвал. А вот стреляющих почти не видно, они на самом горизонте, ясно вижу вспышки выстрелов, но нет никаких дымов. Да и стрельба какая-то странная, скорострельность как у картечницы...

Макаров снова поднял бинокль к глазам.

- Пожалуй, вы правы, Николай Карлович - скорострельность и кучность удивительная, да и отсутствие дымов приводит в некоторое недоумение... как же тогда они движутся?

- Степан Осипович, - обратил на себя внимание Грамматчиков, - эскадра Того последовательно поворачивает на зюйд.

- Неужели? - Макаров перевел бинокль на отряд японских броненосцев, где точку разворота проходил уже второй броненосец линии. - По-моему Того чем-то сильно напуган, хотя не знаю, что могло напугать эдакого наглеца. Обратите внимание, броненосцы идут полным ходом, и даже, возможно, при заклепанных клапанах...

К адмиралу подошел лейтенант Дукельский.

- Ну, что вам еще лейтенант? - спросил Макаров. - Опять депеша с Золотой Горы?

Дукельский кивнул.

- Читайте...

Лейтенант прокашлялся.

- Совершенно отчетливо вижу, как с направления норд-ост японскую эскадру атакуют два весьма странных быстроходных крейсера под Андреевским флагом. Их скорость составляет порядка двадцати пяти узлов, на данный момент ими уже потоплен один бронепалубный крейсер японцев...

– Да-с, лейтенант, запоздала ваша депеша, – покачал головой капитан первого ранга Грамматчиков, – поглядите сами, юноша, под обстрелом уже четвертый и последний японский бронепалубник... – командир Аскольда не успел закончить свою мысль, когда над морем взметнулся грязный бело-желтый фонтан взрыва.

– Это «Якумо», господа, – сквозь зубы процедил Рейценштейн, – был взрыв чего-то не пойми чего под средней трубой. Пудов двести пироксилина, не меньше. Потом взорвались котлы, корабль разломился пополам и затонул...

Не успел он закончить, как с моря донесся утробный вздох взрыва – «Г-Р-А-А...»

– Отлично, Николай Карлович, отлично! Да вы поглядите, какой красавец! – в дальномерной сетке бинокля адмирал наблюдал идущий в атаку «Быстрый» – стремительный силуэт, белый бурун под форштевнем, и развернутые на врага ведущие беглый огонь башни. – Ведь и действительно, у головного крейсера на кормовой надстройке крупно нарисован андреевский флаг. Константин Александрович, передайте по эскадре поднимать пары до предельных, «Новику» немедленно выйти на разведку, «Аскольд» и «Баян» за ним. Броненосцы находятся в готовности, дать полный ход. Господа офицеры, пока там кто-то воюет, мы тут прохлаждаемся, как в театре смотрим спектакль из партера. Стыдно должно быть...

В этот самый момент, прервав адмирала, над морем поднялся огромный черный столб дыма. Секунд через двадцать докатился и глухой рокот.

Капитан первого ранга Рейценштейн перевел бинокль на место взрыва.

– На «Асаме» взрыв кормовых погребов главного калибра, полностью оторвана кормовая часть, быстро тонет. Степан Осипович, у Того остались только броненосцы!

– Мясо съедено, осталось разгрызть кость, господа! – возгласил Макаров. – Николай Оттович уже начал, и мы за ним, с Богом!

В пяти кабельтовых от «Аскольда» по воде уже скользил узкий силуэт «Новика», с каждой секундой набирая ход. Ветер отбрасывал за корму густые клубы жирного угольного дыма и трепал большой алый боевой флаг с косым Андреевским крестом. Вслед за «Новиком», приняв право на борт, со своего

места тронулся и «Аскольд». Встречный ветер, как старый приятель, привычно толкнул адмирала в лицо. Он с удовольствием наблюдал, как, вытянувшись в нитку, японские броненосцы на всех парах удирают от Порт-Артура на юг. Оставался только вопрос – что это за два неизвестных крейсера под русским флагом, сумевших нанести японцам такое чувствительное поражение? Второй из них чем-то напоминал «Богатыря» немецкой постройки... скорее, общим принципом компоновки вооружения главного калибра, не больше. И что это за длинные короба, наклонно установленные на обоих крейсерах перед боевыми рубками? Для чего эти решетчатые мачты, и почему над трубами нет дыма? Ничего, осталось совсем немного – сначала один, а затем и другой крейсер заложили правую циркуляцию, расходясь с японскими броненосцами на контркурсах левыми бортами.

Адмирал снова взялся за бинокль.

– А это что за трубы у них на борту, сейчас развернутые в сторону японцев – неужто минные аппараты?

И тут Макаров увидел, как один за другим из аппаратов головного крейсера в воду нырнули четыре длинных заостренных предмета. Вода в месте падения вскипала, и в сторону японской эскадры тянулся четкий, но быстро тающий белый след. Даже на глаз скорость движения ЭТОГО под водой ставила в тупик.

Уходя от Порт-Артура, японский кильватер был развернут к «Аскольду» кормой – не самый лучший ракурс наблюдений. Фактически вице-адмирал Макаров и его офицеры видели только «толстую задницу» замыкающего броненосца, а все остальные скрывались за его жирными дымами. Так что всем им не было видно в деталях, что произошло, когда «сверхмины» дошли до своих целей, но фонтаны воды, столбы дыма и пара не оставляли сомнений, что японские броненосцы вполне разделяют судьбу своих броненосных крейсеров. Особенно впечатляла подброшенная высоко в воздух взрывом многотонная башня главного калибра одного из броненосцев. И то, как она, кувыркаясь, будто детская игрушка, шлепнулась в воду, подняв тучу брызг.

– Господи Иисусе, всеблагий и всемогущий, спаси нас и помилуй!

Командир «Аскольда», изумленно крестясь, в оцепенении смотрел, как в облаках дыма, пара и пламени гибнет краса и гордость японского флота. Секунд сорок

спустя докатилось громовое «ГР-А-Х-Х», которое еще долго перекатывалось над морем.

А по русским кораблям прокатилась волна громового «УРА». В воздух взлетели офицерские фуражки и матросские бескозырки. Впервые за всю эту бестолковую войну японский флот сам оказался в роли безнаказанно расстреливаемой жертвы. После гибели «Варяга» и «Корейца», «Енисея» и «Боярина», после повреждения «Ретвизана», «Цесаревича» и «Паллады» военная фортуна повернулась к русским лицом, а к японцам, соответственно, задом.

Макаров повернулся к Дукельскому.

– Лейтенант, передайте на броненосцы – отставить выход в море. Господа, теперь там, в принципе, и крейсерам делать нечего, все уже сделано до нас.

– Степан Осипович, – произнес Рейценштейн, – смотрите, два японских броненосца не утонули, может, все-таки...?

– Николай Карлович, – ответил Макаров, – обратите внимание на их крен – да они же беспомощны, аки младенцы. Если надо, их и наши крейсера минами добить смогут, даже Того, который вертится как оглашенный. Так что сделаем вот так – «Новик» произведет разведку. Вирену на «Баян» передать – пусть принудит оставшихся на плаву японцев спустить флаг, если откажутся – добить артиллерией. «Аскольд» выдвигается навстречу к этим неизвестным русским крейсерам. Уж очень мне все это любопытно, господа... Тем более что они и сами идут к нам навстречу.

– Ваше превосходительство, а что мы будем докладывать в столицу, Государю Императору?

Молчавший до этого полковник Агапеев задумчиво смотрел на приближающиеся неизвестные корабли. На их бортах, размалеванных разноцветными треугольниками в серо-голубой гамме, ярко светились выписанные белой краской крупные цифры полуторасаженной высоты. Пятьсот шестьдесят четыре у головного, и семьсот пятнадцать у замыкающего. И что бы вообще значила вся эта нумерология?

– Александр Петрович, – ответил Макаров, – а вот это будет зависеть, от того, ЧТО мы узнаем от командиров этих «индейцев»...

– Степан Осипович, – обратился к адмиралу Дукельский, – с наблюдательного поста на Ляотешане сообщают, что с юго-запада, из-за Ляотяшаня к Порт-Артуру подходит группа из восьми транспортов в сопровождении двух больших миноносцев.

* * *

14 марта 1904 года Утро, Батарея Электрического Утеса

Капитан Николай Васильевич Степанов – командир батареи.

Поручик Борис Дмитриевич Борейко.

Примечание: в сухопутной артиллерии того времени дистанции измерялись в сажнях, одна сажень = 2,1336м.

– Эх, Борис Дмитриевич, Борис Дмитриевич. Ну не пойдет днем Того на расстоянии выстрела от нас. Вы его уже столько раз огорчали.

– Ну а вдруг? Готовым к неожиданностям надо быть всегда... – Поручик Борейко поднял бинокль к глазам. – На дальномере?

– Восемь тысяч двадцать.

– Вот видите, Борис Дмитриевич. Да и курс его почти чисто на запад – мимо нас идет.

– А вы, господин капитан, не думаете, что хоть не сам Того, так крейсера его рискнут нас пощупать? Подлетят, дадут пару залпов и сбегут, пока мы возимся. Да и артиллеристам нашим тренировка нужна, пусть в любую минуту готовы будут. На дальномере?

– Семь тысяч девятьсот двадцать.

– Да, Николай Васильевич, этот подлец пройдет от нас примерно в тринадцать верстах, а потом и отвернет мористее. Наша эскадра уже выходит на внешний рейд. Но следить за ним надо, конечно, чтобы не учинил какой каверзы.

– Ваше благородие господин капитан! – крикнул наблюдатель. – У япошек легкий крейсер горит, крайний в колонне.

Офицеры одинаковым движением вскинули к глазам восьмикратные цейсовские бинокли.

– Не вижу причины пожара... – недоуменно проговорил Степанов, – Разве что... ага, да они под накрытием, родимые... Но кто же их?

– Николай Васильевич, – окликнул командира Борейко, – гляньте, мористее, прямо за японцами, почти у самого горизонта. Видите? Там вроде корабли, но их очень трудно обнаружить, они как-то сливаются с морем.

– Ну и глаза у вас, Борис Дмитриевич, как у орла! – отозвался Степанов. – Но до чего же хитро придумано, ни за что не увидишь, а увидишь – не прицелишься, мелькает все время.

Затаив дыхание, офицеры наблюдали, как вроде бы из пустого места засверкали вспышки выстрелов.

– А ведь концевой японец-то утоп! – с удивлением протянул поручик Борейко, – ну дела-а! Что это у них там за пушки, молотят как из картечницы, а снаряды как бы и не восьмидюймовые... Интересно было бы глянуть, хоть одним глазком. Смотрите, Николай Васильевич, опять накрытие! Вот окропил так окропил! И как кучно! Ох! Что это там горит, неужто в пороховой погреб гостинец засадил?

Офицеры молча наблюдали, как заживо сгорает японский крейсер.

– Эй, на дальномере, – поручик достал из кармана свой блокнот и секундомер, – братец, замерь-ка мне дистанцию до концевого японца, а потом вон до того пятнистого.

– До японца, вашбродь, семь тысяч пятьсот... до этого, который в пятнах, примерно двенадцать тысяч.

– Почему примерно, болван? – вспылил поручик.

– Расплывается, вашбродь, дистанцию точно не ухватишь, – извиняющимся голосом ответил солдат, уже предчувствуя огромный кулак поручика.

– Сейчас посмотрим, чего у тебя там расплывается! – разозлился тот. – А вы, Николай Васильевич, не сочтите за труд, засекайте время между выстрелами и попаданием. – И, передав командиру секундомер, поручик Борейко широким шагом направился в сторону дальномера.

– Э, Борис Дмитриевич, – махнул рукой капитан Степанов, – вы не очень там свирепствуйте, может, оно и в самом деле расплывается...

Тот молча махнув рукой, да так, что было не понять, соглашается поручик с капитаном или наоборот.

Борейко подошел к дальномеру.

– Николай Васильевич, а ведь действительно, до этой шельмы дистанцию точно не ухватишь! Ну ладно, братец, не серчай – вот тебе полтинник, выпьешь за наше с капитаном Степановым здоровье. А как там у вас, Николай Васильевич, время засекли?

– Пятнадцать секунд, Борис Дмитриевич, – ответил капитан Степанов, – у меня получилось четыреста тридцать саженой с секунду... а это почти вдвое от скоростей снарядов наших пушек.

– Дела-а! – протянул поручик Борейко и тут же спросил: – Николай Васильевич, думаете, сунется к нам Того?

– Да навряд ли, – вяло пожал плечами капитан Степанов, – вон их головной броненосец уже в открытое море отвернул. Бегут они, Борис Дмитриевич... Меня сейчас другое интересует – кто это там такой дерзкий вцепился им в хвост? Ведь они сейчас и четвертый бронепалубник приговорят – сами же видели, два залпа

и на дно; а некоторым и того много было. Считайте, что эскадра Того с сего момента остаётся совершенно без легких крейсеров....

– Николай Васильевич, – снова спросил Борейко, – вы думаете, это союзники... французы или, может, немцы?

– Запомните, Борис Дмитриевич, на всю жизнь, – довольно резко ответил Степанов, – Никому мы, русские, не нужны и не интересны, кроме нас самих. Оставьте на этот счет всякие иллюзии легче будет жить. Все хотят с нас только чего-нибудь взять, а вот что-то дать взамен, так извините. Так что для меня несомненно – команда этого корабля русская, или, как минимум, на русской службе. Меня другое волнует – откуда они взялись? Ведь здесь их никто не ждал. Иначе бы нас уж, наверное, предупредили, чтоб сдуру не обстреляли своих. А тут не было ни гроша – и вдруг алтын. Вот, глядите – и четвертая «собачка» тоже утопла, как я вам и говорил, остался Того без легких крейсеров...

И как раз в этот момент взорвался, разломился пополам и затонул японский трехтрубный броненосный крейсер.

– Интересно, что это было, Николай Васильевич? Если это самоходная мина, то сколько взрывчатки надо, чтоб вот так, напополам, разломить крейсер? В минном пироксилине, к примеру?

– Борис Дмитриевич, минный пироксилин не предел мечты, вы о тротиле что-нибудь слышали? А это в четыре раза мощнее. У японцев шимоза, или мелинит – что в три раза мощнее по отношению к пироксилину. На глаз взрыв должен был быть пудов двести пироксилина, или пятьдесят тротила. Но это все теория, Борис Дмитриевич, ни одна мина не пройдет такую дистанцию.

– Теория?! Вон, глядите, Николай Васильевич, эта ваша теория уже второй крейсер топит непонятным способом. Или вы думаете тут нечистая сила?

– Свят-свят-свят, Борис Дмитриевич, Бог с вами!

– Шучу я, Николай Васильевич, был бы у вас отец священник, вам бы тоже черти под каждой кроватью мерещились. Иван! – медведем заревел Борейко, – бутылку водки и две стопки – тут такое дается, а мы с господином капитаном

тверезые до неприличия. Чую я, Николай Васильевич, что эти наши таинственные друзья уже оставили нас без работы. Того сломя голову мчится отсюда на свою базу, портки стирать. Ибо запах от них уже непереносим.

– Борис Дмитриевич, – ответил командир батареи, – готов с вами поспорить на месячное жалование, что Того никуда не убежит, просто не дадут ему убежать. Что помешает этим крейсерам использовать то, что утопило броненосные крейсера, против броненосцев? После такого впечатляющего первого акта драмы обязательно будет второй – короткий, но решающий!

– Ваше благородие, – оторвал их от беседы крик наблюдателя, – господин капитан, во-о-он те два крейсера заворачивают к нам.

– Не заворачивают, а ложатся в циркуляцию, балда! – проворчал Борейко. – Похоже, расходятся с японцами на контркурсах. Эх, сейчас бы минами, только вот дистанция великовата. Только сейчас заметил – вроде ход хороший, а дымов не видно. Даже самый хороший уголь не может гореть без дыма. Интересно, Николай Васильевич, что это за корабли?

– Знаю не больше вашего, Борис Дмитриевич, – капитан Степанов пожал плечами, – наверное, еще чуть-чуть – и все будет ясно. Они уже завершили разворот.

– Николай Васильевич, гляньте – вроде моряки говорили, что от самоходных мин на воде остаются следы, но не такие же. Это СЛЕД, будто черт хлыстом по воде ударил. Да и между этим кораблем и самым близким японцем никак не меньше десяти верст.

– Шесть следов, Борис Дмитриевич. Каждой твари по паре, и как быстро идут! Сейчас, сейчас! Сдается мне, вот они – настоящие КОЗЫРНЫЕ ТУЗЫ!

– Поздно, Николай Васильевич, по крайней мере, для двух броненосцев, им уже не увернуться.

На батарее все замерло, даже несчастный, забитый Заяц понимал, что именно приближается к японским броненосцам. Шесть козырных тузов, СМЕРТЬ! Ахнуло почти одновременно. Броненосцы взрывались и тонули по очереди, будто догорал некий бикфордов шнур. Правда, два последних остались на плаву, но у

одного был оторван кусок кормы, а другой бессмысленно кружил на месте, к тому же сильно накренившись и осев в воду.

- Вот и постреляли! - Прошептал наводчик первого орудия, вытирая вспотевшее лицо, когда последний из затонувших японский броненосец исчез под водой, - конец адмиралу Тогову.

- Не знаю, что это было и кто это был... - поручик встряхнулся, приходя в себя. - Но, братцы - ура тому, кто это сделал. Морякам, Богу, черту, сатане - неважно. Ура!

- Ура! - высыпавшие на бруствер солдаты кричали и подбрасывали вверх шапки.

- Не богохульствуйте, Борис Дмитриевич. Кстати, бог и дьявол здесь ни при чем.

- А ход без дымов?

- Ну, тут все просто, слышали про германского изобретателя и инженера Рудольфа Дизеля? Прапор наш рассказывал, что по Волге уже ходит танкер с его машинами внутреннего сгорания. Жаль, нет его сейчас на батарее, не видел всего. А так, наверняка это пробный корабль с такими машинами, построенный где-нибудь в Сан-Франциско. В Америке это так - плати деньги и строй что хочешь. А как война началась - вооружили, чем было, и к нам. Это же надо - такая громадина, а скорость как у миноносца. Точно наш, Николай Васильевич - Андреевский флаг прямо на кормовой надстройке нарисован. Так что, ура морякам. Стало быть, Борис Дмитриевич, - развеселился Жуковский, - нет больше у Японии броненосцев, да и адмирала Того больше нет! Теперь война совсем другая пойдет.

- Это вы, Николай Васильевич, совершенно правы, а за это не грех и выпить. Иван!

- Слушаю, вашбродь? - вытянулся в струнку вестовой.

- Давай ишшо, что есть, за упокой души адмирала Того.

– Вы это, Борис Дмитриевич... – сказал Степанов, – не увлекайтесь. Остаются за старшего, а я поеду в управление артиллерии, доложу генералу. Пусть Василий Федорович тоже порадует, это надо же – моряки разом утопили весь японский флот.

– А Стессель, – сплюнул Борейко, – пусть подавится своей желчью. Он флотских крайне не любит, и такая их громкая победа будет ему как серпом поперек пуза.

А русские крейсера «Аскольд», «Баян» и «Новик» уже неслись на всех парах к тому, что осталось от японской эскадры.

– Ну, Борис Дмитриевич, победа-то какая! Смотрите, японцы белые флаги выкинули, два броненосца теперь наши. Теперь мне непременно надо ехать, пусть все управление артиллерии порадует.

* * *

14 марта 1904 года 10–15 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 10 миль южнее Золотой Горы. Боевая рубка БПК «Адмирал Трибуц»

– Ну вот и все, Пал Палыч, отвоевались. – Карпенко повернулся к Одинцову. – Как мы и договаривались, я свою работу сделал. Что дальше?

– Дальше как положено, Сергей Сергеевич, медленно прогулочным ходом сближаемся с «Аскольдом» – на нем, кажется, адмиральский вымпел. Да сойдись с ним правыми бортами, так потом проще будет. Когда ляжем в дрейф, Иванова сюда, пора снова делать из него дипломата и выдвигать на исходные. Да, пора дать команду на «Вилков», чтобы выходили на сцену, только на «Бутоме» пусть триколор вместо андреевского флага подымут, чтоб не было лишних вопросов... – сказал Одинцов, а про себя подумал: «А чтоб я знал, что делать?! Будем неизбежно импровизировать – и прорвемся, не зря же говорят, что нахальство второе счастье. Но об этом пока помолчим...»

– Сергей Викторович, – обратился Карпенко к командиру БЧ-4, – передайте на «Вилков», чтоб выполняли план «А», уже пора. Да и насчет «Бутомы» Павел Павлович прав, так что пусть меняют флаг на торговый. – Он взял в руки микрофон, – Михаил Владимирович, как только ляжем в дрейф, будьте добры

при полном параде прибыть на «Трибуц». Намечается маленький саммит, ваше присутствие обязательно. – После этого командир «Трибуца» переключился на внутреннюю связь: – Степан Александрович, с победой тебя....

– И вас также, Сергей Сергеевич... слушаю вас?

– Всей свободной от вахты команде – форма одежды парадная, пусть в кубриках и на постах приберутся. Время на исполнение – полчаса.... Гости у нас ожидаются, Степан Александрович, не ударьте в грязь лицом. Самого вице-адмирала Макарова Степана Осиповича ждем....

– Так точно, Сергей Сергеевич, будет исполнено, не подведем!

– Ну вот, Сергей Сергеевич. – отвлек Карпенко Одинцов, – и я пойду, мне тоже желательно приобрести парадный вид.

На внешнем рейде Порт-Артура медленно сближались «Аскольд» и «Трибуц». «Новика» Макаров отослал посмотреть, что это за корабли появились в туманной дымке на западе, обогнув Ляотешань. До встречи эпох оставались считанные минуты.

* * *

14 марта 1904 года 09–30 по местному времени. Внешний рейд Порт-Артура.

Мостик бронепалубного крейсера 1-го Ранга РИФ «Аскольд».

Вице-адмирал Степан Осипович Макаров – Командующий Тихоокеанским флотом РИ.

Капитан 1-го ранга Николай Карлович Рейценштейн – командующий крейсерским отрядом Порт-Артурской эскадры

Капитан 1-го ранга Константин Александрович Грамматчиков, – командир крейсера

Полковник Александр Петрович Агапеев – начальник военного отдела штаба Тихоокеанского флота РИ

Лейтенант Георгий Владимирович Дукельский – старший флаг офицер адмирала Макарова.

– На машину, малый ход, – бросил капитан первого ранга Грамматчиков в переговорную трубу и повернулся к адмиралу Макарову. – Подходим, Степан Осипович, что прикажете? – Константин Александрович, ложитесь в дрейф на траверзе у этого, пятьсот шестьдесят четвертого...

Макаров внимательно разглядывал очертания незнакомого корабля, скрадываемые неровными треугольными пятнами. Основное его внимание привлекли эти удивительные скорострельные пушки в башнях и счетверенные минные аппараты примерно двадцатидюймового калибра. Решетчатые мачты привлекли его внимание еще раньше, но тут он интуитивно догадался, что их назначение каким-то образом касается радио. Выяснение назначения восьми коробчатых установок, имеющих на обоих кораблях, адмирал благоразумно отложил до встречи с командирами этих крейсеров, потому что гадай не гадай, ничего умного не нагадаешь. А вот то, что на боевом корабле не бывает ничего лишнего, он помнил хорошо.

Наконец адмирал вышел из состояния созерцания.

– Константин Александрович, пусть сигнальщики запросят у них название и порт приписки. Никогда даже слыхом не слыхал о подобной конструкции, но результат впечатляет.

– Братец, – обратился командир «Аскольда» к стоящему рядом сигнальщику, – слышал, что сказал господин вице-адмирал? Исполни!

Сигнальщик замахал флагами....

* * *

– Степан Осипович, но это же ваша же идея – быстроходный безбронный крейсер? – сказал адмиралу капитан первого ранга Рейценштейн. – А тут вам

сразу два проекта, у одного мощнейшее минное вооружение, у другого артиллерийское.

– Нет, Николай Карлович, ни о чем подобном не слышал. Идея идеей, но до ее исполнения было как отсюда до «шпица» пешком. И кроме того, эти корабли оказались значительно совершеннее предложенных мною проектов – возьмем, к примеру, «Новик». Что-то общее видно, но не очень.

В этот момент на мостик «пятьсот шестьдесят четвертого» вышел сигнальщик и неуверенно замахал флажками в ответ.

– Ну-с, братец? – Макаров повернулся к сигнальщику, когда продолжавшаяся почти четверть часа передача была закончена.

– Ваше высокопревосходительство, – ответил тот, – ОНИ сообщают: «Порта приписки и названия в Российском Императорском Флоте пока не имеем. Выступили в боевой поход сразу по завершении ходовых испытаний и загрузке боезапаса. Место постройки является тайной особой государственной важности. Имеем самостоятельное задание. В виду чрезвычайной секретности и корабля, и установленного на нем вооружения, а также для сведения к минимуму круга осведомленных лиц, готовы для установления взаимодействия принять на борт командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала Степана Осиповича Макарова в сопровождении флаг-офицера Дукельского. Возможно присутствие командующего Порт-Артурским отрядом крейсеров капитана первого ранга Николая Карловича Рейценштейна и полковника главного штаба Александра Петровича Агапеева. Вся прочая информация будет передана на борту пакетом лично в руки его высокопревосходительству вице-адмиралу Макарову. Командир крейсера».

– Свободен, братец! И забудь, что видел и слышал, и ни матери родной, ни священнику на исповеди не проговоришься! – адмирал коротким жестом отпустил сигнальщика и повернулся к офицерам. – Ну-с, господа! Чувствуете себя готовыми приобщиться тайн? Ведь без тайн здесь точно не обошлось, поскольку кораблей подобной конструкции нет ни в британском, ни во французском, ни в германском флотах. Ну-с господа, жду вашего ответа. У лейтенанта выбора нет, а вам самим решать – знать вам нечто, что в дальнейшем, возможно, осложнит вам жизнь, или нет. А пока, – адмирал повернулся к Грамматчикову, – Константин Александрович, распорядитесь спустить на воду адмиральский катер, пусть на веслах будут самые неразговорчивые матросы. Думается, я и в

самом деле сам должен посетить эти таинственные корабли. Только вот, господа, сделаем это без особых церемоний, так сказать, по-домашнему. Ну что, господа офицеры, вы приняли решение?

– Степан Осипович, – хмыкнул в бороду Рейценштейн, – позор ведь, если вы пойдете, а мы останемся. Приглашение, так сказать, было сделано «с оглашением». И потом, еще никто не мог сказать, что представитель рода Рейценштейнов боится опасностей и трудностей. Конечно же, я с вами.

– Хорошо, Николай Карлович, хорошо, я так и думал. – Макаров повернулся к Агапееву, – А в вас, Александр Петрович, я и не сомневаюсь, ибо знаю вас давно. Вы ради пользы дела и к черту в зубы пойдете.

– Пойду, Степан Осипович, – ответил Агапеев, – но только после вас.

– Ну, вот и отлично! – усмехнулся в бороду Макаров, и повернулся к Грамматчикову, – ну как там с катером?

– Не извольте беспокоиться, Степан Осипович, осталась пара минут.

– А крут к врагам командующий этим... отрядом. Всех уничтожил, никому уйти не дал. Понятно, что именно ему поручили это секретное дело. Только интересно, кто это? По возрасту из однокашников моих должен быть... Контр-адмирал, капитан первого ранга? С Балтики, с Черного моря? любопытно, любопытно... Да-с, а как он с командой... как Эссен или Вирен?

– Да уж, канкан впечатлил... – поежился Грамматчиков, – юбки японцев по воздуху так и летали. Не хотел бы я попасть под удар этих мин... – Командир «Аскольда» кивнул на торпедные аппараты «564». – Если их удар смертелен для броненосца, то что бы они сделали с «Аскольдом»? Вон «Якумо» как спичка переломился.

– Константин Александрович, – Макаров резко развернулся в его сторону, – оставьте этот тон. Эти корабли воюют на нашей стороне и несут наш флаг! Пока я командующий, никто не будет вести подобных разговоров без особых оснований! Это неблагодарность, господин капитан первого ранга, стыдитесь! – Потом его голос смягчился: – Простите меня за эту вспышку, у вас все равно нет никаких оснований для таких слов.

– Господа, глядите! – Рейценштейн показал на моторный катер, который отошел от борта второго крейсера и с невероятным проворством преодолел пять кабельтовых. В катере, кроме матроса-рулевого, были только три офицера в парадной форме; на солнце блестели золотые погоны.

– Ну-с, господа, раз ТАМ все в сборе, значит, и нам пора, – вице-адмирал пожал руку Грамматчикову. – Раз катер, наконец, готов, значит, и мы пошли. Вы же тут на досуге помозгуйте, чего значит сей зверь тигра. А потом сравним ваши соображения и наши наблюдения.

– Действительно тигра, выглядит устрашающе, – ответил Грамматчиков, – но вот в линейном бою эта окраска не будет иметь никакого значения, как две этих смешных пушечки. Так что действительно крейсер – может быть, как дальнейшее развитие концепции «Новика». Быстроходный, безбронный, с дальнобойными и мощными самодвижущимися минами, применение которых не требует входа в зону поражения вражеской артиллерии...

– Константин Александрович, я же сказал, ПОТОМ! Кстати, ваш «Аскольд» в линейном бою тоже ноль без палочки, и тоже чистый крейсер. Так что это еще и ваши родственники... – с этими словами адмирал спустился по трапу с мостика, оставив командира «Аскольда» в одиночестве.

«Так! – подумал тот, – поразмышляем! Любит же Степан Осипович задачки задавать. Дал задание подумать, а потом проверит, сумел я сделать правильные выводы или нет. Ну-с, Константин Александрович, и чего теперь подсказывает вам ваша знаменитая интуиция? Скорость! Эти корабли, оба, созданы для скорости; посмотрите на их клипперные формы – даже когда они лежат в дрейфе, они будто летят вперед. Они не созданы драться в линии, они созданы преследовать и догонять. Так что Степан Осипович прав – насчет линии я действительно сказал глупость. На корме оба имеют ровную площадку, приподнятую над палубой, прямо какой-то плац. Назначение этой площадки нам непонятно, как и этих наклонных металлических ящиков, но про них мы пока думать не будем. Как и о тех фигурных штуках, что у них на мачтах. Тут никаких аналогий нет, и все, что приходит на ум, это имя Николы Тесла. Все же я думаю, что это корабль для атаки, на манер наших миноносцев. Примененное с ужасной эффективностью – минное оружие подтверждает эту версию. Может, по проекту такие корабли задумывались для действий большими волчьими стаями... Да нет – против кого нужна большая стая таких кораблей? Кораблей, каждый из

которых одним махом способен вынести прочь эскадру броненосцев, не нужно много – один, ну максимум два на флот. Потом на деморализованного противника навалятся свои линейные силы и добьют окончательно. Меня больше всего интересует другое. У вице-адмирала Того не было столько броненосцев, сколько только на «564» имеется минных труб. И заметьте, каждая мина попала в цель, причем по жизненно важным местам, в трех случаях поражены артпогреба и в трех – котлы. Мина, попавшая в корму, просто оторвала броненосцу пятнадцать-двадцать сажен корпуса. И мы, и японцы выстреливаем по десять-двадцать мин, чтобы попала только одна; и то она калечит, а не топит корабли. А тут один минный залп двух кораблей в корне меняет ход войны. Но, в принципе, это мог быть и один – тот, который у них флагман, ему просто надо было переменить подбойный борт, что с его скоростью нетрудно, ведь он может ходить вокруг броненосцев, идущих полным ходом как подле стоячих. А эти снаряды! Вопросы вызывает все... Насколько я вижу, у артиллерийского крейсера двух орудийные башни калибра примерно пять дюймов... нестандартно, надо сказать. Но вот снаряды рвались минимум как восьмидюймовые, попадали в цель без пристрелки, я уже молчу о кучности и скорострельности этих орудий. У этого крейсера вес минутного бортового залпа, как у броненосца. На каждый бронепалубный крейсер они потратили менее двух минут, мой начарт специально засекал. Я даже не представляю, как это возможно сделать. Но, ЭТО ЕСТЬ – значит, это возможно сделать. Мне представляется, что назначением таких кораблей может стать перехват и уничтожение вражеских линейных эскадр вдали от своих берегов. Даже страшно подумать, какой, например, разрушительной силой могут обладать вон те наклонные ящики и решетчатые мачты. Может это все-таки пресловутые излучатели Теслы? Не знаю, больше ничего в голову не приходит.

* * *

14 марта 1904 года 09–30 по местному времени. Окрестности Порт-Артура, 10 миль южнее Золотой Горы. Боевая рубка БПК «Адмирал Трибуц»

«Аскольд» движется нам навстречу. Он, рожденный на грани веков, красив своей особенной красотой. На верхней площадке мостика стоит группа из нескольких офицеров. Карпенко разглядывает их в стационарный бинокль. Вот этот дородный, с бородой и есть Макаров...

Так, на мостик «Аскольда» вышел сигнальщик и начал размахивать флажками.

– Что он от нас хочет, Сергеич? – спросил стоящий за спиной Карпенко Одинцов.

– Запрашивает название и порт приписки... – Карпенко хмыкнул. – Если я отвечу им правду, то они решат, что я сошел с ума, ибо прекрасно знают все корабли, базирующиеся на Владивосток. Ну, что действуем по плану, никаких изменений не будет?

– Да, – Пожал плечами Одинцов, – не стоит что-то менять и рисковать. Если просочится информация, откуда мы, то спокойной жизни уже не будет. Даже наоборот, будет очень беспокойная.

– Так, я отвечаю – порт приписки засекречен, выполняю свое задание и т.д. по списку?

– Да, – кивнул Одинцов, – действуй так, как решили. Ну, а тут мы уже поговорим и посмотрим. После того погрома, что ты устроил сегодня, тебе поверят, и еще как. И не рвись под прямое подчинение Макарова. Сам он вроде ничего, но это по книгам; а как оно реально мы еще не знаем, тем более что над ним есть три величайших идиота в истории нашего флота. Во-первых – генерал-адмирал Алексей Александрович, младший братеньник Александра Третьего и дядя нынешнего царя. Во-вторых – Главкомандующий флотом вице-адмирал Рожественский. Этот и просрет войну на море. В-третьих – это морской министр Авелан. Запах Цусимы еще не почуял?

– Почуял... – ответил Карпенко недовольным голосом, – что же тогда остается, только вольное пиратство?

– Никак нет, будем регистрировать «Трибуц» и «Быстрый» как вспомогательные крейсера, тогда они попадают в подчинение к Великому Князю Александру Михайловичу. Колоритнейшая, надо сказать, личность – Великий Князь Сандро, и кроме того, он находится в оппозиции к генерал-адмиралу и всем этом умникам под Шпицем.

– Под каким Шпицем? – не сразу понял Карпенко. – А, адмиралтейство...

– Привыкай, здесь это самый ходовой мем на флоте... – ответил Одинцов. – Но есть один замысел. К сожалению, мы не сможем вытащить сюда Макарова помимо его свиты. Невместно адмиралу наносить визиты в сопровождении

только одного флаг-офицера. Так, что лучше всего назвать капитана первого ранга Рейценштейна и полковника главного штаба Агапеева, Правда, флаг-офицер лейтенант Дукельский в любом случае последует за своим шефом, а это не есть гут. После того как Степанов в своем Порт-Артуре написал, что в доме у этого Дукельского было целое шпионское гнездо, меня гложут смутные сомнения. И вроде бы сам он вне подозрений, но сболтнет что-нибудь при любовнице и служанке – и все, прощай, тайна. И подружка у него, по Степанову, специфическая была – из богоизбранных.

– Ерунда, – возразил Карпенко, – Степанов Степановым, а реал реалом, а вот это и есть главное. Если что, Михалыч и компания их враз раскусят. Наша же задача – чтобы этот Дукельский в ближайшее время не смог вернуться в Артур. А потом, если про него правду писали – завербовать его и пропихнуть через него «дезу», что, мол, никакие они не «попаданцы», а честные русские американцы. И тебе в масть будет, и поверят легче, поскольку будут знать, что этот источник в «теме».

– Молодец, Сергей Сергеич, – хмыкнул Одинцов, – изящный маневр, в стиле Дюма и Пикуля, я и не подумал! Ты давай, вызывай сюда Иванова и его командиров БЧ два и три. Не исключено, что их высокопревосходительство пожелают, чтобы им представили всех героев дня. Встретим их вчетвером, а потом при необходимости подключим остальных. Макарова и всех, кто с ним, вербуем с ходу. Все равно интерьеры здесь у тебя на местные никак не похожи. Такого сейчас ни в Британии нет, ни в Штатах, ни в Бразилии.

– Хорошо... Сергей Викторович, – обратился Карпенко к командиру БЧ-4, давайте сюда сигнальщика. Текст я сейчас подготовлю. И вот еще что, Степан Александрович – всех свободных от вахты офицеров соберите на всякий случай в кают-компанию, а особенно командиров БЧ. Всю команду собирать не будем, пусть во всем чистом находятся на боевых постах. Чтоб по кораблю без дела никто не шатался. Это вам не наш Авакянц, тут марку вдвойне держать надо. Вахтенный встретит Макарова и компанию у трапа правого борта и проводит в мою каюту.

– Разумно, Сергей Сергеевич... – Одинцов задумался, – но чего-то не хватает. Сегодняшний день начался так brutally! Надо поддержать настрой...

– Ну, что тут у нас? – это в рубку вошел майор Новиков. – Кончилась наша одиссея?

– Все только начинается... – сказал Одинцов и вдруг застыл. – Сергей Сергеич, Александр Владимирович, есть идея! После твоего, Сергеич, сегодняшнего «Балета Смерти» самым подходящим ходом будет создание впечатления, что мы – это жесткая, сверхэффективная организация. Они же о нас ничего не знают! Хотя по сравнению с местным бардаком на наших кораблях царит просто железная дисциплина и идеальный порядок. А если им кто-нибудь проболтается, что мы за неправильную болтовню либераста чуть за борт не выкинули, и что он, бедолага, сейчас сидит у нас на цепи аки собака – тогда мы вообще станем помесью Тайного Приказа и Испанской Инквизиции. Александр Владимирович, будь добр парные посты морпехов в парадном черном. Немного устрашающего боевого грима в тигровой раскраске не вредно. Ничего, что у тебя всего одно отделение, сделай что можешь. По пути следования Макарова должна быть такая мизансцена, как в ставке Гитлера в «Семнадцати мгновениях весны» – только зиговать, пожалуй, не надо. Согласен, Сергей Сергеич?

– А почему нет, впечатление первое дело... – принял игру Карпенко. – Вопрос – кто мог не моргнув глазом утопить целый флот? А вот такие и могли. Пусть немного мураши по коже у Макарова побегают. Сделаешь, Владимирыч? А я своих тоже настропалю не хуже, будут летать четко по уставу...

Новиков кивнул.

– Ну, тогда все товарищи, цели определены, задачи поставлены, за работу, чтоб жить стало лучше, жить стало веселее!.

* * *

14 марта 1904 года 10–50 по местному времени. Внешний Рейд Порт-Артура, 10 миль южнее Золотой Горы. Бронепалубный крейсер 1-го Ранга РИФ «Аскольд» и БПК «Адмирал Трибуц».

Гребной катер, как и положено в торжественных случаях, спустили с правого борта «Аскольда». Теперь суденышку о восьми парах весел предстояло обогнуть оба корабля, чтобы пристать к такому же правому борту «пятьсот шестьдесят четвертого». Шестнадцать матросов мерно налегали на весла. Когда подошли к корме «пятьсот шестьдесят четвертого», чтобы ее обогнуть, прочли выбитое бронзовыми буквами прямо под надстройкой название корабля, но обстановка

яснее не стала. Надпись гласила – «Адмирал Трибуц». Со страшным скрипом в мозгах и адмирал Макаров, и сопровождавшие его офицеры пытались хоть что-нибудь вспомнить об этом человеке, и какое отношение он имеет к России. Несмотря на все усилия, у них ничего не получалось. Огибая широкую транцевую корму, увидели прикрепленный там герб Российской Империи. В нем тоже было что-то неправильное. Вот и правый борт «Адмирала Трибуца» – трап на своем месте, спущен со стороны кормы сразу за минными аппаратами почти до уровня воды. Трап как трап, с большими буквами, гласящими то же самое, что и надпись на корме.

Лейтенант Дукельский пропустил вперед адмирала, старших офицеров и вслед за ними поднялся на палубу. Глаза сразу резанула безукоризненная чистота. Их встречал вахтенный офицер – судя по погонам, лейтенант. Ничего знакомее погон и, может быть, фуражки, Дукельский в его облике не увидел. Хотя погоны наводили на мысль о безусловной русскости офицера, так как только в российской армии и флоте для обозначения чинов используются комбинации звездочек и просветов. Почти сразу за спиной офицера стояли ДВОЕ – кондуктор и квартермейстер; это все, что Дукельский смог понять по лычкам на их погонах, во всем остальном даже нельзя было сказать, солдаты это или матросы. Они походили на обычных нижних чинов или унтеров не больше, чем львы на домашних кошек. Сбитые на ухо черные береты, жесткие загорелые независимые лица, перечеркнутые черными полосами, придававшими им выражение необычайной свирепости. «Прямо индейцы на тропе войны», – подумалось флаг-офицеру. Глаз ухватил и полоски тельняшек в распахнутых воротах черных кителей, и многочисленные значки на левой стороне груди. Шок добавлялся оружием незнакомого облика, больше всего похожего на сильно укороченные карабины с толстыми гладкими стволами, которые неизвестные бойцы держали непривычно – не на плече, а поперек груди. Особо бросились в глаза белые перчатки на их руках, обычно принадлежность офицерской формы.... Но долго впитывать впечатления Макарову с офицерами не дал вахтенный. Как талантливый режиссер, он уловил тот момент, когда стоящие в карауле морпехи перестали притягивать к себе внимание. Вахтенный лейтенант с «Трибуца» откозырял.

– Ваше превосходительство, господин вице-адмирал, господа офицеры!
Командующий корабельной группой и командир нашего корабля, капитан первого ранга Карпенко, ждет вас в своей каюте. Разрешите вас проводить?

Макаров только молча кивнул, понимая, что получивший команду младший офицер будет действовать четко в рамках инструкций. Противное может быть только при наличии на борту бардака, но, судя по первым ощущениям Макарова, бардак на этом корабле отсутствовал начисто. Он пока не мог понять, какого типа тут дисциплина – палочная или сознательная. Ну не похожи были встреченные им люди на забитых палочной дисциплиной людей. Коридоры и переходы корабля оказались ярко освещены белым светом из светильников незнакомого типа, закрепленных на подволоке. Это не было похоже ни на что известное ни Макарову, ни офицерам, хотя адмирал совсем недавно прибыл прямо из окрестностей столицы, из Кронштадта. Но и там такое не было известно – ни в частных домах, ни в служебных присутствиях. По дороге им встретилось еще три парных поста таких же тигроподобных, накачанных бойцов. Один – у лестницы, ведущей вниз и таблички БЧ-5, другой – у двери с надписью БЧ-1, а третий – непосредственно у капитанской каюты. Было такое ощущение, что такие посты стоят здесь на каждом шагу. Один раз им навстречу попался матрос, видимо, спешащий по служебным делам. Ибо когда он посторонился и отдал честь, вахтенный автоматически откозырял ему в ответ. В мозгах у Макарова щелкнули какие-то шестеренки. Вот оно – идеальное соотношение субординации и человеческих взаимоотношений, где одно не отрицает другого. Примерно ту же идеологию исповедовал капитан второго ранга Николай Оттович фон Эссен, да и боевая результативность его «Новика» тоже была выше, чем по эскадре в целом. Адмирал сделал себе в памяти заметку – вызвать к себе шебутного кавторанга и отдельно с ним поговорить, может, он лучше других поймет этих пришельцев.

Щелкнула дверь в капитанскую каюту, часовые отдали честь. Внутри – ничего привычного, вся мебель утилитарная, из прямых углов и без всяких украшений. Приоткрытый иллюминатор занавешен шторкой, отчего в каюте гуляет легкий ветерок. Командующий стоял почти сразу перед дверью, надетый на нем черный мундир морского офицера с золотыми погонами не узнать было невозможно. Только вот вахтенный сказал «капитан ПЕРВОГО ранга», а гости читали на погонах: «капитан ВТОРОГО ранга». Чуть позади командующего стояли еще трое. Один был высокий, худой, седоволосый, с умным лицом и волевым взглядом бледно-голубых глаз. Мундир и погоны на нем были такие же, как у командующего, а выправка говорила гостям, что это такой же, как они, кадровый морской офицер. Второй, тоже высокий, но плотный, стриженный под короткий ежик, с жестким и волевым взглядом серых глаз, был чем-то похож на африканского носорога, одетого в партикулярное платье. В нем тоже проглядывала военная косточка – и гости понимали, что офицерский мундир сей господин носил не один год. Третий, среднего роста, коренастый, с кривым

шрамом поперек щеки и в мундире – почти таком же те, что были на расставленных по всему кораблю бойцах. Только погоны у него были офицерские, с двумя просветами и одной большой золотистой звездой. Командующий корабельной группой сразу козырнул, представляясь вошедшим.

– Здравия желаю, ваше превосходительство. Разрешите представиться, командующий корабельной группой, командир Большого противолодочного корабля «Адмирал Трибуц», капитан первого ранга Карпенко Сергей Сергеевич. Степан Осипович, я вижу, у вас и у сопровождающих вас офицеров сразу появилось множество вопросов, но позвольте, сначала я закончу. Я надеюсь, привилегию хотя бы быть выслушанными вашим высокопревосходительством мы заслужили?

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – кивнул адмирал Макаров, – продолжайте.

– Для начала, Степан Осипович, должен поставить вас в известность, что через некоторое время к внешнему рейду Порт-Артура должны подойти небоевые корабли моей группы – Большой Десантный Корабль «Николай Вилков» и Большой Морской Танкер снабжения «Борис Бутома», а также суда различной национальной принадлежности, арестованные за перевозку военной контрабанды в пользу Японской Империи. Я надеюсь, призовой суд будет к ним справедлив. Вот список, Степан Осипович. – Карпенко протянул Макарову лист бумаги с крупно отпечатанным текстом.

Адмирал взгляделся в текст и брови его поползли вверх.

– Господа... Господин Карпенко, оказывается, не просто грамотный и хладнокровный командир, но знатный флибустьер. Его группа задержала аж шесть торговых кораблей с безусловно военными грузами. Особое ему спасибо от флота за британский пароход «Маргарита».

– А что там за груз, Степан Осипович? – поинтересовался Рейценштейн.

Адмирал Макаров молча показал каперангу листок, ногтем отчеркнув одну строчку. Рейценштейн так же молча кивнул.

– По этому вопросу все? – Макаров отдал листок Дукельскому, – лейтенант, ступайте. По прибытии на «Аскольд» выйдете на связь с Николаем Оттовичем и

передадите ему мое распоряжение обеспечить встречу и сопровождение каравана... Что-нибудь еще?

– Ваше превосходительство, разрешите представиться – командир роты морской пехоты, майор Новиков Александр Владимирович. В связи с передачей задержанных за контрабанду судов в вашу юрисдикцию есть просьба – как можно скорее сменить моих людей в караулах. У меня рота уже неделю размазана на десять объектов, люди вымотались до предела.

– Степан Осипович, – добавил Карпенко, – основную причину того, что замену караулов нужно произвести немедленно, мы изложим вам чуть позже.

– Хорошо, господа! – Макаров снова повернулся к Дукельскому. – Лейтенант, обеспечьте передачу на «Цесаревич», «Ретвизан», «Палладу» моего распоряжения в течение часа выделить по две караульные команды из тридцати матросов и одного офицера. Данным караульным командам принять под охрану суда, указанные в переданном вам списке арестованных за военную контрабанду. До заседания призового суда отконвоировать арестованные суда на якорную стоянку в Западном бассейне. Сход членов их команд и пассажиров до выяснения их статуса в суде запрещен. Об исполнении доложите мне лично.

– Одну минуту, господа... – Карпенко снял трубку телефона. – Вахтенный? Лейтенант, немедленно зайдите ко мне в каюту.

Секунд через тридцать в каюту вошел давешний лейтенант с повязкой вахтенного.

– Вызывали, товарищ капитан первого ранга?

– Товарищ лейтенант, – Карпенко игнорировал недоуменные взгляды Макарова и его офицеров, – проводите лейтенанта Дукельского до трапа, чтобы он не заблудился. Все ясно? Можете идти.

Когда Дукельский вышел, Карпенко продолжил:

– Господа, теперь, когда одна насущная проблема решена, позвольте вам представить командира эсминца «Быстрый» капитана первого ранга Иванова

Михаила Владимировича. О причинах, заставивших меня назвать эскадренным миноносцем фактически крейсер первого ранга, я скажу чуть позже, до этого момента осталось совсем немного. А пока должен представить вам последнего, или даже в какой-то степени первого, члена командного состава группы, политического руководителя нашей экспедиции Одинцова Павла Павловича. А теперь буду с вами предельно откровенен. Чтобы рассеять у вас все старые вопросы, а заодно вызвать миллион новых, должен вам сообщить, что корабль, на котором вы находитесь, был, или будет, построен восемьдесят пять лет тому вперед. Если вас не убедило сегодняшнее, с позволения сказать, сражение, то прошу...

Карпенко нажал клавишу стоящего на столе ноутбука и, то, что офицеры считали репродукцией картины Айвазовского в массивной раме темного стекла, вдруг изменило картинку. Теперь там было движущееся изображение якорной стоянки в бухте Золотой Рог. На якорях стояли такие же корабли, как и тот, в котором они находились. Донесся крик чаек и плеск волн. Все цветное, яркое, донельзя реалистичное... Это было похоже на чудо, на колдовство, и гости едва смогли сдержать удивленное «Ах!»; и лишь приглушенный вздох пронесся по каюте.

- Господа, - продолжил Карпенко, - этот фильм снят во Владивостоке, в нашей базе в бухте Золотой Рог, в августе две тысячи семнадцатого года, перед нашим выходом в последний поход. Вот вы, Николай Карлович, - обратился он к Рейценштейну, - совсем недавно из Владивостока. Узнаете место?

- Так, так... - встряхнувшись, Рейценштейн подошел к экрану, - Степан Осипович, так точно... Это якорная стоянка напротив морзавода. Сейчас ровно на этом месте стоят «Богатырь», «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Вот, смотрите, город видно. Таких домин сейчас и в Питере с Москвой не строят, а тут весь город такой. Не берусь сказать про сто лет, но...

- Да, Сергей Сергеевич... - адмирал снял фуражку и вытер лоб платком, - убили вы меня наповал. Но то, что сразу честно все сказали, это хорошо, за это спасибо... И за Того, мерзавца, тоже спасибо, этим вы не только меня порадовали сегодня... Но, Сергей Сергеевич, действительно вопросов миллион, не знаю с какого и начать...

- Степан Осипович, - сказал Карпенко, - давайте сделаем проще. Мы с товарищами будем излагать вам свое кредо, медленно и не торопясь, а вы, если

вам что-то непонятно, будете задавать вопросы...

– Хорошо, Сергей Сергеевич, давайте попробуем по-вашему, – ответил Макаров. – Мы вас слушаем.

– Господа, давайте начнем с насущных вопросов текущего момента, с того, что называется «ближе к телу», – начал Карпенко. – Во-первых – не подлежит обсуждению то, что все мы здесь – верные присяге офицеры. Не смотрите, что Павел Павлович в штатском, просто в их ведомстве не принято носить мундир на службе. Их там так и зовут – люди в штатском. Наше вступление в войну есть исполнение присяги и долга перед Россией. Дело еще и в том, что существующее в двадцать первом веке Российское государство автоматически находится в состоянии войны с Японской империей. В исторические коллизии, в результате которых возникло такое положение дел, мы пока вдаваться не будем. Просто примите это к сведению. Во-вторых – в нашей истории Российская Империя эту войну японцам проиграла, с чего и началась череда бед. В результате ряда вызванных поражением в этой войне ошибок во внешней и внутренней политике Российской Империи в одна тысяча девятьсот семнадцатом году постиг такой бунт, что на его фоне Пугачевщина показалась бы мелкой шалостью. Выиграли же от этой войны Японская и Британская империи, и немножечко САСШ. Начало тому, чтобы предотвратить такой исход событий, было положено сегодня. Но это только начало. Политические вопросы мы здесь и сейчас обсуждать не будем, это тот вопрос, которым должен заниматься непосредственно Государь Император. Наша с вами работа заключается в том, чтобы Россия вышла из этой войны победительницей, с минимальными людскими потерями и финансовыми затратами, укрепив свое политическое влияние в мире...

– Сергей Сергеевич, а в чем были причины поражения России в той войне? – спросил полковник Агапеев, – ведь наши и их возможности несоизмеримы.

– Александр Петрович, – вместо Карпенко начал отвечать Одинцов, – небольшая поправка – в значительной мере решающей фазой войны была война на море, а здесь у России и Японии был почти паритет. Если Япония проигрывает войну на море, то о войне на материке нельзя и говорить – следовательно, для нее война проиграна. Поэтому ставка была сделана на победу любой ценой. Первым их шагом было нападение до объявления войны – у России сразу в строю стало на два крейсера (один потопленный и один поврежденный) два броненосца меньше. Количественный баланс сил на море перешел на сторону японцев. Плюс

разделение сил между Владивостоком и Порт-Артуром. Плюс отсутствие боевой подготовки в армии и на флоте. Питерские умники не понимали, что если японский флот и армия проводят учения в условиях, приближенных к боевым, то это уже означает войну, которая начнется в ближайшей перспективе. А у нас корабли не плавали и не стреляли. Крайне низкая подготовка проявилась и в истории с гибелью «Енисея» и «Боярина», и в сегодняшнем случае с «Севастополем» и «Полтавой». А тут мы сами помогли японцам. Баланс сил еще больше сместился в их сторону. Кстати, все, что происходило до восьми часов тридцати минут сегодняшнего дня, было и в нашей истории. Вся эта шарманка крутилась и здесь, пока мы не пришли и не поломали ее. Это все вам в общих чертах известно, после всех событий паритет превратился в двукратное превосходство японцев. Вам понятно? Дальше пойдут события, которые здесь еще не произошли и уже не произойдет. Катастрофа тридцать первого марта – когда броненосец «Петропавловск» подорвался на выставленной японцами минной банке и после взрыва котлов мгновенно затонул. На его борту находился вице-адмирал Макаров со штабом. Самое обидное то, Степан Осипович, что береговые артиллеристы доложили вам, что видели в том районе неизвестные миноносцы, но вы решили, что это были свои. Вот к чему приводит нарушение техники безопасности. После вашей гибели, Степан Осипович, с балансом сил на море стало совсем плохо. У Японии Того, у России никого. Адмирал Витгефт неплохой штабист, но задачу ему жестко должен ставить человек со стратегическим мышлением. Фон Эссен, Григорович, Эбергард, и тем более Колчак – пока только личинки флотоводцев. Наместник Алексеев, имея два броненосца против шести японских, запер флот на внутреннем рейде под предлогом того самого баланса, который был в пользу японцев. Того только того и было надо. Простите за каламбур. Начался десант второй и третьей японских армий в бухте Бицзыво. Армейское командование вело себя до того пассивно, что чуть ли не с радостью дало блокировать Порт-Артур с суши. В этот момент Япония уже фактически выиграла войну; то, что кровь лилась еще целый год, это уже была агония. Русская армия отступала, отступала, отступала. Панический страх окружений, боязнь принять хоть какое-то самостоятельное решение. Ввод сил в бой мелкими порциями. Принцип ступенчатого создания резервов доходил до того, что от дивизии полного состава вражеские позиции суммарно атаковал один батальон, а остальные силы находились в резервах различных уровней. А потом была Цусима. Адмирал Рожественский привел вторую Тихоокеанскую эскадру на бойню в Корейском проливе, где она и была полностью уничтожена при минимальных потерях японцев. Все делалось так, будто Куропаткину, Рожественскому и компании победа в этой войне была не особенно нужна, а вот для Японии ставки были очень велики. Ибо для Японии в этой войне не может быть ничьей – либо она завоюет Корею и Маньжурию, либо

ее экономику ждет коллапс. Это я вам говорю, чтобы вы понимали, что движет Японией. Ею движет жажда колоний, она совершенно осознанно выбрала британский путь развития, и теперь ей нужны колонии. Ее заводы и фабрики нуждаются в дешевом сырье и рабочей силе. А британские банки, которые выдали японским заводам кредиты на развитие, нуждаются в том, чтобы японская промышленность процветала и смогла вернуть им эти деньги сторицей. А чтобы не быть голословным, господа, я предоставлю вам всю историческую литературу по этому периоду.

– Господи, страсти-то какие! – адмирал Макаров перекрестился, – и как, простите, Павел Павлович, мы можем избежать столь ужасного развития событий?

– Ну, мы уже начали, Степан Осипович, – Одинцов пожал плечами, – вот уже час, как японцам до господства на море, как до Луны пешком. А дальше броненосцы должны ходить, а артиллеристы стрелять. Крейсера должны прерывать торговлю, не ввязываясь в драку с мистером Камимурой. Пусть он сам за нами побеждает, сукин кот. Армия Куроки, что успела высадиться в Корее, должна быть блокирована всеми русскими силами по реке Ялу с суши и флотом с моря. Вон стоит полковник Агапеев – ну ведь учили же его чему-то в академии? Если не хватит тактики и стратегии девятнадцатого века, обратитесь к майору Новикову – он с отличием окончил академию в веке двадцать первом, и весь опыт войн двадцатого века в вашем распоряжении. А все остальное – это, простите, политика и просто не местный масштаб. А вообще, господа, запомните и передайте остальным – все будет хорошо! Повторяйте это каждое утро, как индус мантру. Сергей Сергеевич...

Карпенко с Одинцовым переглянулись и кивнули.

– Степан Осипович, – медленно проговорил Карпенко, – мы, конечно, с вами еще не раз встретимся и о многом поговорим, но сейчас нам от вас нужна помощь...

– Ну-с, господа, если это, конечно, в моей власти... – задумчиво ответил Макаров.

– Во-первых – требуется легализовать наши корабли, придав им статус вспомогательных крейсеров. На охоту за негодьями будет ходить один «Трибуц», но статус пусть будет у всех.

– Нет ничего проще, – огладил бороду Макаров, – вызову сюда капитана порта с его регистрационной книгой, он и оформит все за четверть часа, никаких проблем, господа. Что еще?

Карпенко вздохнул.

– Мы не хотели бы базироваться в Порт-Артуре – там у вас, Степан Осипович, простите за сравнение, шпионов всех держав как блох на бродячей собаке, и жандармы вообще мышей не ловят. А у нас тут, как видите, плюнуть нельзя, чтобы в секрет не попасть. Мне трудно даже вообразить, что будет, если хоть намек на информацию о нашем происхождении просочится в Лондон, Париж или Берлин. Да Государя живьем заедят просьбами, требованиями и ультиматумами с пожеланием поделиться информацией. Для всех – корабли построены в Америке на частной верфи, там же обучены команды. А базироваться нам лучше всего на островах Эллиот, там пока еще сидят японцы, но не пройдет и шести часов, как мы их оттуда выкинем.

– Что, господа, прямо сейчас и в поход на Эллиоты? – удивился Макаров.

– А чего ждать, Степан Осипович? – пожал плечами Карпенко, – сейчас они пока и не подозревают о том, что их эскадры больше нет. Ударим врасплох, сил надо будет втрое меньше. Так ведь, Александр Владимирович?

– Конечно, – кивнул Новиков, – пока будем собираться и идти, уложу своих спать, к моменту десанта все будут как огурчики. Я бы Александру Петровичу посоветовал бы пойти с нами – хоть посмотрит, как серьезные люди десант высаживают и на берегу воют.

– Господа, – адмирал Макаров дернул себя за бороду, – была не была! Не только Александр Петрович, но и Степан Осипович хочет посмотреть, как вы там воевать будете. Наверняка будет не хуже, чем сегодня утром. Надеюсь, «Аскольда», «Новика» и пары миноносцев хватит?

– Ваше превосходительство, – ответил Одинцов, глянув на часы, – давайте об этом чуть позже, а сейчас время обеденное, так что, Степан Осипович, просим Вас с нами отобедать. Сергей Сергеевич нас покормит чем Бог послал – так сказать, без разносолов, на каждый день.

В кают-компании Макаров попросил представить ему тех офицеров, что командовали сегодняшним боем с японской эскадрой. К нему подвели четырех офицеров – одного капитан-лейтенанта и трех капитанов третьего ранга.

– Ну-с, господа, начнем сначала, – прищурился Макаров, – кто из вас артиллерист? Кто так быстро топил японские крейсера, что вице-адмирал Макаров не успевал пальцы загибать?

Вперед шагнул невысокий чернявый офицер.

– Я, тов... вашэ высокопрэвосходительство, капитан-лэйтэнант Гаранян, командыр БЧ-2 на эсминцэ «Быстрый»...

– БЧ-2, Степан Осипович, это ракетно-артиллерийская боевая часть, – пояснил Карпенко, – по вашему уставу его должность называется Начальник артиллерии.

– Молодец, Гаранян! – Макаров пожал ему руку. – Что-нибудь еще сказать хочешь?

– Капытан третьего ранга Бондарь с «Трыбуца» тоже стрелял. Мы их вмэстэ топылы.

– И капитан третьего ранга Бондарь тоже молодец... – Макаров повернулся к Карпенко, – Сергей Сергеевич, объясните, пожалуйста, будьте добры, систему ваших званий, а то я путаюсь...

– Нет ничего проще, Степан Осипович. Самое младшее офицерское звание – лейтенант. Бывают, конечно, младшие лейтенанты, но это только через понижение в звании. Чин мичмана же совсем странный – зависший между младшим командным составом (по-вашему, кондукторами) и офицерским корпусом. Так вот, по старшинству после лейтенанта: старший лейтенант, капитан-лейтенант, капитаны третьего, второго и первого рангов... потом как у вас контр-адмирал, вице-адмирал и адмирал флота.

– Мысль понятна, велик разрыв между лейтенантом и кавторангом, – Макаров задумался. – Вот и мой Дукельский староват для лейтенантов, а у вас он, к примеру, в каком звании мог быть?

– Капитан-лейтенант, скорее всего... Степан Осипович, я смотрел российскую табель о рангах – и капитан-лейтенанты, и капитаны третьего ранга в Российском флоте существовали, но были упразднены во время двадцати пяти лет сплошного мира. Вижу в этом руку одного известного министра финансов, желающего как можно большему числу российских офицеров платить лейтенантские оклады.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, но вернемся к вашим офицерам, а то нехорошо заставлять людей ждать, да и на столах все стынет. – Макаров повернулся к стоящим чуть в сторонке двум офицерам. – Как я понимаю, оба капитаны третьего ранга, красавцы! Кто из вас двоих «Микасу» срезал, как утку влет? Знаю, что и мины у вас и быстроходнее, и дальнобойнее, и точнее наших, но все равно это надо уметь!

– Ваше высокопревосходительство, командир БЧ-3 эсминца «Быстрый», капитан третьего ранга Шульц. Но мы только «Трибуцу» помогли слегка, у него на весь броненосный отряд в залпе труб не хватало. А на двоих у нас как раз вышло. А что «Микасу» потопили, так нам, как замыкающим, на контркурсах как раз и выпало бить по головным броненосцам. Там промахнуться сложно было – цель жирная, неповоротливая как утюг, к тому же полную скорость уже набрала. Деваться им в любом случае некуда было.

Макаров кивнул и перевел взгляд на его соседа.

– Командир БЧ-3 Большого противолодочного корабля «Адмирал Трибуц», капитан третьего ранга Шурыгин. Ну что тут сказать. Ваше высокопревосходительство, увидел, прицелился, выстрелил! Работа у нас такая.

Брови Макарова поползли вверх.

– Слышал, Николай Карлович? Работа такая! Если бы у нас было достаточно таких «работников», вот бы флот был! А вам, господа, выражаю свое адмиральское удовольствие и благодарность за отлично проделанную работу. Молодцы! Я вас более не задерживаю.

Все время обеда прошло в задумчивом молчании; Макарову и его офицерам было о чем подумать, а Одинцов с Карпенко не мешали ему, просто молча ждали. В самом конце обеда, уже отодвинувшись от стола и вытирая губы салфеткой,

Макаров произнес:

– Благодарствую, господа. Но вот все же, Сергей Сергеевич, Павел Павлович расписал тут такую полосу несчастий для нашего флота и армии, а в чем же была скрыта причина? Послушаешь его и получается, что все наши адмиралы и генералы с началом войны в одночасье поглупели?

– Скорее не поглупели, нет, – ответил Одинцов. – Из-за тех двадцати пяти лет мирной паузы, что прошли между концом русско-турецкой и началом русско-японской войны, в армии и на флоте сильно размножились офицеры мирного времени. Они совершенно не способны вести боевые действия, принимать грамотные тактические и стратегические решения, но зато блистают на смотрах, маневрах и балах. Вы-то сами, Степан Осипович, как исключение из общего правила, а остальные-то вполне ему соответствуют. Некоторые не умеют мыслить категориями военного времени, а некоторые и не хотят. Ну и личность командующего тоже играет роль – один соберет вокруг себя штаб из подхалимов и блюдолизов, а другой – из гениев маневренной войны и мастеров таранного удара. А вот личности командующих зависят уже от Верховного, хотя бывает так на так. И Великие Люди бывают падки на лесть. Так что, Степан Осипович, мы не только поменяли знак баланса на противоположный, но и еще дали вам некоторое время на обучение команд всему тому, что они должны знать и уметь, а также на переформатирование офицерского корпуса. Вот вы, Александр Петрович... Вот вы как считаете со своего главштабовского наместа – если японская армия в Корее будет блокирована с моря нашим флотом, и никакие японские десантные операции в нашем тылу будут невозможны, наличных войск, уже находящихся в Маньчжурии, хватит на удержание фронта по реке Ялу?

– Наверное, хватит... – полковник Агапеев в задумчивости побарабанил пальцами по столу. – Нет, господа, точно хватит, особенно если стянуть туда все три восточно-сибирских стрелковых корпуса и оборудовать оборонительные позиции... Усилить артиллерию. Сформировать ту самую тяжелую артиллерийскую бригаду, орудия для которой вы нам доставили.

Майор Новиков прищурился:

– Александр Петрович, вы после обеда никуда не пропадите, я вам дам одну книжку, «Боевой устав пехоты» называется – прочтете и поймете, как можно построить оборону так, чтобы обойтись двумя корпусами, а один иметь

валентным. А вообще, давайте поговорим с вами ровно через сутки, в это же время. После того как вы понаблюдаете за тем, как действуют мои бойцы и ЧТО они могут в бою. Может, тогда у вас появится ориентир, какой должна быть просто пехота, какой – штурмовая пехота, а какой – десантно-штурмовая пехота.

– И в чем же разница, Александр Владимирович? – неожиданно заинтересовался разговором Макаров, сделавший Агапееву знак не возражать, а молча послушать.

– Все просто, Степан Осипович – обычный стрелок-пехотинец, сидя в обороне, должен уметь метко стрелять – особо подчеркиваю, в противовес нынешней манере вести стрельбу залпами. Причем даже ружейный огонь должен быть организован с перекрестным фланкированием, а если в систему пулеметы добавить – так и вообще замечательно. На ротные опорные пункты – Максимы, а на взводные – ручные пулеметы Мадсена. В атаке стрелок-пехотинец должен будет пробежать тысячу или полторы тысячи шагов – да так, чтобы не быть убитым или раненым. А затем вступить в штыковую схватку с таким же, как он, пехотинцем вражеской армии и выйти из нее победителем. За рамками остается артиллерийская поддержка наступательного прорыва и ввод в прорыв крупных кавалерийских соединений. Но если на пути у атакующей пехоты встанут долговременные оборонительные сооружения или банальный населенный пункт, то обычная пехота будет нести неоправданные потери, или даже вообще не сможет выполнить задачу. Потери тут главное слово. Убитый или искалеченный солдат не сможет участвовать в следующих боях, не сможет увеличить свой опыт и боевое мастерство. Это не русские солдаты должны умирать за своего Императора – нет, за своего Императора бессмысленно и толпами должны умирать японские солдаты. А русские солдаты должны их убивать во славу России. Поэтому нужна штурмовая пехота, обученная бою в стесненных условиях с применением скорострельных пистолетов-пулеметов, ручных гранат, обученная приемам рукопашного боя с применением подручных средств, вроде личного шанцевого инструмента. Это бойцы, которые опережают противника в скорости движения, быстроте реакции и мощи удара. Это должны быть солдаты, действующие в соответствии с первой Суворовской заповедью – «Не числом, а умением»; они незаменимы при прорыве линий обороны и штурме или обороне городов. Даже в обычных стрелковых бригадах и полках первые роты батальонов надо готовить как штурмовые. Отдельной разновидностью штурмовой пехоты являются горные стрелки. Ну, там своя специфика – что препятствия на местности среди которых надо вести бой, не искусственные, а естественные. А десантно-штурмовая пехота должна быть подготовлена и снаряжена на голову выше, чем просто штурмовая, поскольку у десантников

тыла нет, а врагов хоть отбавляй. Может оказаться и по взводу на одного бойца.

В этот момент все ощутили слабый толчок.

– Ага, – Карпенко посмотрел на часы, – мой старший ошвартовал «Вилков» по левому борту, будут перезаряжать аппараты левого борта. Не желаете ли глянуть, Степан Осипович?

– Да вы еще спрашиваете, Сергей Сергеевич, – оживился Макаров, – безусловно, желаю! Показывайте.

– Да, господа, – майор Новиков встал из-за стола, надевая фуражку, – раз «Вилков» уже ошвартован, то вынужден откланяться. Дела. Александр Петрович, если будете неподалеку от Степана Осиповича, то обязательно пришлю вам с бойцом обещанную книжку.

Палуба «Трибуца» встретила адмирала Макарова деловой суетой. По левому борту был ошвартован странный корабль, по всем признакам напоминающий грузовой пароход, если бы не пятнистая окраска и артиллерийская установка на надстройке. Один из трех огромных грузовых люков был уже раскрыт, и вскоре стрела подъемного крана извлекла оттуда нечто, больше похожее на гигантский четырехсаженный керн, чем на самодвижущуюся мину. Прямо на глазах у Макарова матросы ловко перецепили это чудовище на кран-балку «Трибуца» и начали подводить его к минному аппарату.

– Сергей Сергеевич, – вдруг встrepенулcя Макаров, – а где же у нее винт, и почему такая странная заостренная форма? И вообще, как это работает?

– Степан Осипович, подробностей я и сам не знаю, это военная тайна, но, по сути, это подводная ракета, использующее для «смазки» явление суперкавитации. Во время подводного «полета» почти все ее тело находится внутри вакуумного пузыря, в воду погружены только кончик носа с водозаборником и кавитатором и концы хвостового рулевого оперения, которые сейчас находятся в сложенном состоянии. Скорость – двести узлов, дальность этой новейшей модели «Шквал-М» – сто двадцать кабельтовых, боевая часть – двадцать пять пудов взрывчатки, в полтора раза превосходящей по мощи тротил и в десять – влажный пироксилин. Вес самой гидрореактивной торпеды – сто семьдесят пудов.

Макаров задумался.

– Сергей Сергеевич, но это же смертный приговор линейному флоту...

– Не совсем, Степан Осипович, – ответил Карпенко, – от этого оружия есть способы защиты, сводящие риск к приемлемым величинам. Не будем сейчас вдаваться в подробности, но они есть. Но вы мыслите в правильном направлении. В наше время броненосные линейные корабли вымерли как динозавры. А во-о-о-н там, видите, на «Быстром» наклонные такие контейнеры? Там то, что уничтожило линейный флот начисто. От этого оружия защита так и не была придумана...

– Вы меня интригуете, Сергей Сергеевич, – заинтересовался адмирал Макаров, – мне даже не верится, что можно создать что-то еще более убийственное и смертоносное. Ну-ну, говорите, не томите...

– Степан Осипович, вы про ракеты Засядько помните?

Макаров кивнул.

– Гениальный был человек. Так вот, там далекие потомки его боевых ракет, система П-270 «Москит», американское прозвище «Солнечный ожог». Дальность полета – от ста тридцати пяти миль по высокой траектории на высоте двенадцать верст до шестидесяти пяти миль на высоте от трех с половиной до пяти сажень над водой. Активно-пассивная радиолокационная головка самонаведения. Вероятность попадания в цель – выше девяноста девяти процентов. Скорость полета – в три раза быстрее звука. Полубронебойная боевая часть весом девятнадцать пудов, из которых половина взрывчатка в полтора раза мощнее тротила. – взгляд Карпенко стал предельно серьезным. – Ваше высокопревосходительство, господин вице-адмирал, и вы, господа офицеры, знайте, что таких ракетных снарядов – абсолютных убийц броненосцев – у нас всего восемь штук, и разбрасываться ими по пустякам резону нет. Еще имеется двенадцать снарядов примерно того же класса, но летящих с дозвуковой скоростью и на этом с абсолютным противокорабельным оружием все. Но если настанет черный день и понадобится вся помощь, какую мы можем оказать России – вот тогда мы и выложим на стол этот козырь, не раньше. Во избежание утечки информации к нашим европейским «партнерам» о самом существовании такого рода оружия (не говоря уже о его точных характеристиках) должно знать

как можно меньше народу.

– Разумно, Сергей Сергеевич, разумно... – адмирал задумчиво огладил свою окладистую бороду. – Если вы собрались устроить свою якорную стоянку на островах Эллиота, то в случае, если какой неприятельский флот подойдет к Порт-Артуру, он, сам того не подозревая, окажется под прицелом этих штук. Николай Карлович, как вам сама идея?

Капитан первого ранга Рейценштейн пожал плечами.

– Звучит фантастично, в стиле Войны Миров мистера Уэллса или всяких технических чудес месье Жюль Верна. Но ведь мы сегодня уже видели вполне реальные чудеса, пусть и с привычно выглядевшими самодвижущимися минами и пушками... Почему бы и нет, может быть вполне возможно. Степан Осипович, у меня только один вопрос... После потопления эскадры господина Того какой вражеский линейный флот превосходящей силы может оказаться на ближайших подступах к Порт-Артуру? Россия вроде больше ни с кем не воюет...

– Господа, если не воюет сегодня, значит, может воевать завтра, – Карпенко кивнул в сторону Одинцова. – Павел Павлович вам все объяснит, именно он спец в политических хитросплетениях, и я склонен доверять его умозаключениям.

– Господа, отнеситесь к моим словам серьезно, – начал Одинцов. – Давайте рассмотрим, какие интересы у какой стороны есть в этой войне... Для России эта война оборонительная, на нее напали. Для Японии эта война агрессивная, она нуждается в Корее как первой колонии на материке, о чем я вам еще говорил. Для Великобритании эта война – средство ослабить Россию, своего конкурента в европейских делах, а ослабленную и униженную сделать своим союзником, чтобы русские солдаты погибали за британские интересы. Для Франции эта война – способ опутать Россию своими кредитами, чтобы сделать ее зависимой от себя. Для Германии... ну просто не знаю, господа. По моему глубокому убеждению, даже говоря о дружбе, кайзер Вильгельм преследует сугубо Германские интересы. Во-первых – всю войну Германия продавала оружие и снаряжение Японии. Во-вторых – его помощь России заключалась в проводке кораблей из Балтики, на Тихий океан. То есть он помогал убрать подальше от себя потенциально враждебные корабли. Хотя особого недружелюбия тоже не высказывалось. Правда, не надо забывать, что Германия – союзник Австро-Венгрии, а это еще тот антирусский гадюшник. Как говорили в мое время, «с кем поведешься, так тебе и пусть!». Теперь рассмотрим ситуацию, воплощение

которой мы должны добиться через три-четыре месяца. Японский флот полностью уничтожен, до последнего миноносца, армия окружена в Корее и капитулировала. Русский флот господствует в прибрежных водах Японии и блокировал все торговые коммуникации. На островах голод, империя созрела для безоговорочной капитуляции на тех же условиях, что и в сорок пятом году нашей истории...

- И какие же это были условия? - прервал Одинцова полковник Агапеев.

- Условия? - покачал головой Одинцов. - Слушайте. Пятнадцать лет оккупации. Уничтожение Империи и создание «на ее материальной базе» нового государства с системой управления типа «конституционная монархия». Запрет иметь военную промышленность. Запрет иметь армию, за исключением территориальных сил самообороны. Запрет иметь военно-морской флот, за исключением сторожевиков береговой охраны. Запрет иметь колонии, от Японии были отторгнуты все территории, не входящие собственно в Японские острова. Короче, победители в той войне сделали все, чтобы больше никогда самураи не могли выползти с войной в мир.

- Жестоко! - ответил Агапеев и поинтересовался: - И что Япония, впала в ничтожество?

- А вот ничего подобного! Когда выяснилось, что если ее защиту обеспечивает патрон-оккупант и тратиться на армию не нужно, то их промышленность развернулась вовсю. Япония завалила весь мир своими дешевыми и качественными товарами. После той войны стабильно была второй-третьей экономикой мира. Любое, самое дорогое сырье всегда дешевле самых дешевых готовых товаров. Нам здесь тоже было бы желательно проделать нечто подобное, но сейчас мы не об этом. Что произойдет, когда в Лондоне и Париже выяснят, что Россия в результате этой войны несколько не ослаблена, а, наоборот, усилилась? Что акт о капитуляции составлен так, что британским банкам должно уже несуществующее государство, а нынешнее новорожденное невинно, аки младенец. Вот тут-то Антанта может и взбрыкнуть...

Макаров и офицеры удивленно переглянулись.

- Какая Антанта? - выразил общее недоумение полковник Агапеев.

– Примерно через неделю Франция и Великобритания объявят о подписании договора «Сердечного согласия», который урегулирует их взаимные противоречия и создаст базу для совместных действий по всему миру. Франция вела эти переговоры втайне от России и пошла на подписание договора, когда стало ясно, что война для России пошла неудачно, и опасаться мести преданного союзника не надо. По моей пока предварительной оценке примерно пятнадцатипроцентная вероятность на совместные англо-французские действия против России, и около пятидесяти процентов я дам за то, что бритты будут действовать самостоятельно. Вот в этом случае возможна попытка высадить в Корею англо-французский десант, чтобы она не досталась этим русским варварам. А если там будут уже русские солдаты, двух-трехкратно превосходящая объединенная эскадра может объявиться с ультиматумом в окрестностях Порт-Артура. И после первого же их выстрела они станут вполне законной добычей. Надеюсь, что этого не случится, но готовиться-то надо к наихудшему...

Адмирал Макаров прервал дискуссию и с самым серьезным видом произнес:

– Сергей Сергеевич, Павел Павлович, я вас понял. Опасения ваши небеспочвенны, а предосторожность весьма разумная. О прочем же у нас еще будет возможность поговорить, и не раз. А пока разрешите откланяться, а то мы тут разговариваем, а вы к походу готовитесь...

Макаров указал кивком головы на матросов, быстро, но без суеты, загружающих в артпогреб длинные сто миллиметровые унитары взамен расстрелянных в бою и добавил:

– А у нас, как говорится, и собаки не кормлены и кони не запряжены...

– Степан Осипович, – Карпенко улыбнулся, – ваши-то кони всегда запряжены, но у нас есть еще два вопроса, которые надо решить пока Вы здесь...

Макаров кивнул.

– Во-первых – вот на этом БДК находится поручик пограничной стражи Иванько, сопровождавший во Владивосток груз корабельной оптики. Не очень большой груз, у японцев мы больше отняли... Пока мы здесь, на рейде, мы должны передать поручика вместе с его грузом вам, не тащить же его на Эллиоты. Мы

даже не будем выгружать контейнер, только подайте хоть какую посудину, на палубу которой можно было бы его опустить.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – вздохнул Макаров, – вы сегодня как Никола Угодник на рождество – уж думаешь, что мешок пуст, а вы опять тянете из него плюшевого зайца. Вернувшись на «Аскольд», я отсигналю на берег, чтобы выслали буксир с баржей. Не улыбайтесь так – этот буксир у нас знаменит, его команда пошустрее иных миноносцев оборачивается. Кстати, а контейнер большой?

– Примерно две сажени на пять, и семьсот пятьдесят пудов весу, – ответил Карпенко. – С «Вилкова» контейнер на баржу погрузят бортовым краном за несколько минут. Но это еще не все зайцы, есть еще один – маленький, но, поверьте, ценный...

– Ну-с? – поднял бровь Макаров. – Надеюсь, это действительно последний заяц? А то за сегодняшний день я разучился удивляться, а ведь, как говорится, слишком много хорошего тоже плохо.

– Да нет, на сегодня это последний подарок... Вон он, – Карпенко махнул рукой, подзывая к себе кого-то с «Вилкова». – Ваше высокопревосходительство, разрешите вам представить капитана второго ранга Степанова, офицера службы РТВ Тихоокеанского Флота. Из нашего времени, разумеется.

Подошедший Степанов козырнул.

– Его специалисты, – продолжил Карпенко, – собрали из остатков той аппаратуры, что закинула нас сюда, несколько комплектов флотских радиостанций, совместимых с нашей системой связи. Попробуйте и убедитесь, как это удобно. А идти без надежной связи на совместную операцию так и вообще нежелательно.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, связь – это я понимаю. – Макаров задумался. – Господин капитан второго ранга, много ли вам надо времени на установку вашего устройства?

Степанов ответил:

Ваше высокопревосходительство, надо примерно полчаса, чтобы собрать бригаду с инструментом, а потом два-два с половиной часа на монтаж.

– Степан Осипович, – добавил Карпенко, – наверное, мы вас не будем задерживать. Как только у капитана второго ранга будет все готово, я дам ему катер для доставки оборудования и бригады на «Аскольд». Кстати, Василий Иванович, кого пошлешь на задание?

– Лейтенанта Злобина и двух старых мичманов, – ответил Степанов.

– Не делайте такие глаза, Степан Осипович, – улыбнулся Карпенко, глядя на удивленного Макарова, – у нас мичман – это не самый младший офицерский чин, а нечто вроде вашего прапорщика при адмиралтействе. Только там всего две ступени – мичман и старший мичман. А выражение «старый» значит, что он уже прослужил лет двадцать и ему скоро в отставку. Но это все так, лирика, просто среди команды ходят разные разговоры про нравы в этом времени. И не дай Бог, возникнут конфликты с офицерами «Аскольда» на почве разного понимания уставов, или паче того рукоприкладства. Не хотелось бы начинать совместные действия с чего-то такого, но предупредите, пожалуйста, там Константина Александровича Грамматчикова, чтобы он провел работу со своими офицерами. Мы, Степан Осипович, здесь как одна семья, своих не бросаем, а за обиды мстим. Иначе нам никак...

– Понимаю, Сергей Сергеевич, понимаю, – кивнул Макаров, – сам таких дантистов не люблю. Константина Александровича я предупрежу, но просветите – если что, мстить будут люди Александра Владимировича?

– Да нет, – улыбка Карпенко была больше похожа на оскал, – зачем его люди и зачем мстить? Мстить – это для врагов, а тут будет воспитательный процесс. Просто кто-то из трех его лейтенантов, чтобы все было по кодексу чести, вызовет бузотера на дуэль на любом оружии и – убить не убьет, но грамотно сделает инвалидом на всю жизнь. В целях рекламы, так сказать, и предотвращения рецидивов. Но это, ваше высокопревосходительство, только в самых тяжелых случаях.

В этот момент к группе офицеров подошел незнакомый Карпенко морской пехотинец.

– Ваше высокопревосходительство, – козырнув четко по своему уставу, обратился он к Макарову, – разрешите обратиться к господину полковнику Агапееву?

Макаров улыбнулся в бороду.

– Разрешаю, братец.

– Господин полковник, – боец повернулся к Агапееву и отдал честь, – майор Новиков просил передать вам эти книги. – Он протянул полковнику два томика карманного размера, обернутых в плотную бумагу. – Разрешите идти?

Агапеев рассеянно кивнул, раскрывая первую книжку.

– Александр Петрович! – вывел его из созерцательного состояния голос Макарова, – у вас еще будет время приобщиться к сим сокровенным знаниям, а сейчас нам пора. Загостились, пора и честь знать. Мы еще сюда вернемся и продолжим свое знакомство с местными чудесами, а пока у нас есть неотложные дела.

* * *

14 марта 1904 года 10–25 по местному времени. Внешний Рейд Порт-Артура, 10 миль южнее Золотой Горы. БДК «Николай Вилков».

Майор морской пехоты Новиков Александр Владимирович.

«Вилков» встретил меня бьющей фонтаном жизнью. Из настезь раскрытого трюма подъемный кран медленно поднимал ее убойное высочество подводную ракету «Шквал-М». С высокого мостика «Аскольда» за сим действием, раскрыв рот, наблюдала кучка офицеров; и к гадалке не ходи – командир, старший офицер, начарт и минный офицер. Последнему наверняка в этот момент оставалось только нервно глотать слюну. Ну и пусть глотает, мне не до него. А на палубе «Аскольда» матросики усиленно симулируют важную трудовую деятельность, а сами во все глаза пялятся на нас, пятнистых и ужасных. Цирк, да и только, а мы в нем главные клоуны.

По спущенному с левого борта трапу поднимались мои первые бойцы – группа, которая контролировала рефрижератор. Веселые, загорелые; на одном плече автомат, на другом десантный рюкзак. Сержант Цыплаков рапортует:

– Тащ майор, объект сдали нормально, с местными конфликтов не было...

Ага, как же, с моими поконфликтуешь. На их добрые лица посмотришь – и сразу всяческое желание отпадет. Нет, местные ребята явно тоже не задохлики, но с моими никакого сравнения. А сержант продолжает:

– Тащ майор, отделение в полном составе, больных нет, отставших нет, происшествий нет!

Отвечаю:

– Молодец, Цыплаков, давай быстро в кубрик, оружие почистить, амуницию в порядок привести и отбой до особого распоряжения. Сегодня вечером у нас будет настоящее дело – это вам, ребята, не жирных купцов гонять.

Отправил этих вниз, а сам продолжил встречать остальные группы. Последними прибыли группа лейтенанта Жукова с англичанина (ну того, который с оптикой) и группа старлея Рагуленко с германца, который гаубицы перевозил. Причем прибыли одним катером, и не просто так, а с шумом и помпой. Если все остальные шли, никуда не торопясь, на пятнадцати узлах (побыстрее, чем местные паровики, но не радикально), то этот герой поставил катер на редан и прилетел на пятидесяти узлах... Я представляю стук падающих на палубы челюстей господ офицеров, наблюдающих, как катер, полный людей, мчится, задрал нос и едва касаясь воды кормой. А рядом с рулевым в рост стоит некто в мундире с закатанными рукавами, сдвинутом на затылок берете и большой сигарой в зубах. Где он взял эту сигару-то? Неужто у дойчей конфисковал? Поднимается, значит, Слон по трапу, а вблизи все это выглядит еще brutальней. Ну, то, что рукава мундира до локтя закатаны, это ладно – что тельник видать, это нам положено. О берете и сигаре я уже говорил. А вот дымчатые солнцезащитные очки и улыбка без двух зубов шесть на девять, на разбойничьей загорелой роже – это вам не халам-балам. И тут я вспомнил его второе погоняло, ну когда он еще капитаном был – «герр гауптман»! Точно, такого на улице встретишь – не глядя на другую сторону перейдешь. А ведь японцам с ним не на улице, а бою встречаться придется; командир он хоть куда,

и бойцы за ним и в воду и в огонь. Жуков рядом с ним – как скромная благородная девица, хотя тоже растет мальчик. За эти две недели чуть заматерел, взгляд стал жестче, а рука тверже. Но все равно понятно, кто устроил эти гонки.

Бойцов я отпустил, дождался, пока спустятся по трапу в низы и спрашиваю:

– Какого рожна, товарищи офицеры, вы устроили это морское родео? Кому были нужны все эти полеты на метле под куполом цирка? Что, нельзя было спокойно, как все прочие люди, прибыть, не привлекая к себе особого внимания? Что значит – «мы опаздывали»? Из-за чего? Что значит – «сменщик дотошный попался»? Но принял?! И, надеюсь, без предварительного морского купания? А то я тебя знаю – утопишь человека и глазом не моргнешь. Значит, так, орлы! Вам полчаса на «привести себя в порядок» – и оба в мою каюту. Дело у нас сегодня вечером, надо захватить японскую базу на островах Эллиота. Вот мы и будем думать, как брать эти самые острова. Только думать надо быстрее, а то ты, Слон, застрянешь на «Вилкове», и хрен тебя потом на ходу на «Трибуц» переправишь.

Отпустил я товарищей офицеров и спустился в свою каюту. Так, вот он «Боевой устав пехоты» а это что рядом? Мля! Так это же «Глубокие операции» Триандафилова. Так сказать, труд Иоанна Предтечи всей стратегии двадцатого века. Так, аккуратно заворачиваем в плотную бумагу... У одной книжки на обложке год печати восемьдесят второй, у второй – девяносто шестой. Нефиг светиться. Вручил в коридоре первому встреченному бойцу и послал его в направлении «Трибуца», разыскивать полковника Агапеева. А сам открыл ноутбук, раскрыл пакет тактических карт и погрузился в размышления над проблемой Эллиотов.

– Разрешите, товарищ майор? – в дверь вдвинулся лейтенант Жуков. – Там это... Слон, простите, старший лейтенант Рагуленко, сказал, что сейчас будет.

– Заходи, Костя, заходи, – я оторвался от дисплея ноутбука, который гипнотизировал уже минут пятнадцать, – будем думать думать, как супостата одолеть. По всем расчетам, на исходные мы выйдем почти на закате, а сам бой будет проходить фактически ночью. Вот глянь – видишь, на этих двух маленьких островах то ли строятся, то ли уже вооружаются по две двухорудийные двенадцатидюймовые батареи. Я разговаривал с кап-три с «Трибуца», который в наше время был фанатиком истории этой войны, и все свободное время

проводил на Цусимском форуме. Схема японской базы на островах Эллиота, кстати, тоже от него. Так он сказал, что новых длинноствольных скорострельных двенадцатидюймовых орудий у японцев не было даже на ЗИП для броненосцев. Значит, у них там к монтажу намечены пушки предыдущего поколения, типа один-два выстрела в минуту и шесть километров дальность. Но пока мы не возьмем эти батареи, ни один корабль не подойдет на эти самые шесть километров. Теперь смотри дальше...

В этот момент в дверях нарисовался Слон, опять при полном параде, при закатанных рукавах, сигаре и солнцезащитных очках.

– Разрешите, товарищ майор? Это мы, мышцы!

Ага, вот именно слово «мышцы» к Слону подходило больше всего.

Мне осталось только вздохнуть.

– Влазь, животное! Ну и где ты шляется сейчас? Бабы здесь отсутствуют как класс, за исключением нескольких синих чулков, которые на рожу пострашнее Ксюши Собчак.

– Дык ведь, – замялся Слон...

– Отставить, давай к делу! – пришлось повторить ему то, что уже рассказал лейтенанту Жукову. – Так, вот смотрите, между островами якорная стоянка. Вчера ночью при разведке с вертолета вот здесь были засечены стоящие на якорях корабли. Вот эти мелкие отметки – скорее всего, номерные миноносцы, а точки покрупнее – это суда снабжения. Но самая главная цель не здесь. Вот тут, на большом острове у основания мыса, есть пометка «телеграфная станция», а это, скорее всего, обозначает штаб базы и склады МТО. Ну не будут их большие начальники далеко бегать к пункту связи. Так, короче, объектов куча и разбросаны они, дай боже, по трем островам и одной якорной стоянке. Как все это связать в один узел? У кого какие соображения?

– Товарищ майор, – поднял руку Жуков, – так у нас же... так мы же перед самым этим походом получили ротную тактическую систему управления, даже опробовать ее не успели. Видели, в кубриках такие большие ящики сложены? Там три БПЛА, ноутбуки для управления ими и для тактики...

– Постой, товарищ Костик, а куда же ты раньше молчал? – на мгновение я даже потерял дар речи; видно, сегодня не только Макарову суждено получить свои ништяки. – Скрывал от командира?!

– Товарищ майор, да забыл я о них как-то... – оправдывался лейтенант. – Да и что бы мы с ними делали в море?

– Действительно, в море нам этот комплект и нафиг не сдался, – я повернулся к старшему лейтенанту. – А ты что молчишь, Слон?

– А я че, герр майор, я ничего... Ты мне пальцем покажи, чего сделать нужно, а уж я – камня на камне...

– Пальцем, значит... смотри. Твоя цель – штаб, атакуешь группой в составе двух отделений. Самый толковый твой сержант возглавит...

В этот момент в дверь постучали.

– Да! – недовольно отозвался я. – Войдите!

В двери нарисовался боец, судя по всему, из последнего призыва – присутствовала в нем еще некоторая необмятость и лопухость.

– Товарищ майор, вас там на палубе спрашивают...

– Кто спрашивает-то? – не понял я сути вопроса.

– Да это, полковник какой-то, из местных... – замялся боец.

«Ага, – подумал я, – из местных полковников мне известен только один – Агапеев. Что-то он рановато, или, пока суть да дело, не выдержал испытания любопытством на разрыв и удрал от Макарова? Ну-ну!»

Однако вслух бойцу я, конечно, сказал нечто иное:

– Значит так, вьюнош! Сейчас ты ракетой взлетаешь на палубу, подходишь к тому полковнику, и вежественно строго по уставу, приглашаешь его к нам. Только вместо «товарища» говори «господин», не дорос он еще до товарища. Потом медленно и степенно провожаешь его к моей каюте. Здесь представляешься строго по уставу и исчезаешь с моих глаз, чем дальше, тем быстрее. Все понятно?

Боец энергично кивнул.

– Исполни!

– Ну-с, товарищи офицеры, будем знакомиться с местным коллегой?! А ты, Костя, метнулся за своим ноутом, пусть будет для комплекта!

Слон покачал головой.

– Жаль, у нас нет крупномасштабной карты этих островов Эллиота. Представь себе картину – сидим над картой, где обозначен каждый куст, и думаем, как мы будем их штурмовать.

– погоди, Слон, – остановил я его, – дождемся полковника. Вроде он головастый, и жаль, что погиб тогда с Макаровым. А так, может, с будущим начальником генштаба сейчас ручкаться будешь? Задатки у него есть, да еще мы ускорения придадим...

Лейтенант успел вовремя – того времени, что боец ходил за полковником, ему хватило, чтобы принести из находящейся по соседству каюты ноутбук, развернуть его и сбросить мне pdf-файл с описанием тактической системы, в ответ получив от меня крупномасштабную карту островов. И вот боец приводит полковника, а у нас картина маслом. Под потолком слоями плавают дым от слонячьей сигары. Вообще-то курит тут только он один, но одной этой сигары, наверное, хватило бы для постановки дымовой завесы средней мощности. На столе стоят два прибора непонятного назначения, и над ними склонились офицеры в странных полуморских, полуармейских мундирах. Да и еще старший лейтенант Рагуленко, как я уже упоминал, на неподготовленных людей производит весьма сильное впечатление.

– Добрый день, господа, – произнес полковник Агапеев, с любопытством впитывая в себя устроенную нами мизансцену.

– Еще раз добрый день, Александр Петрович! – отозвался я. – Позвольте представить вам моих офицеров. Командир первого взвода лейтенант Жуков Константин Петрович, в реальных боях еще не бывал, но подает надежды...

Костик, как в кино про «Адъютанта его превосходительства», склонил голову и щелкнул каблуками.

– Командир второго взвода, старший лейтенант Рагуленко Сергей Александрович, старый битый волк, руки которого по локоть в крови врагов России. – Слон только задумчиво кивнул, будто отвечая своим мыслям. – Проходите, Александр Петрович, а у нас тут в разгаре военный совет, методом мозгового штурма ломаем голову над проблемой штурма островов Эллиота. Вот, смотрите... – я повернул к нему ноутбук экраном, – это то, что там понастроили японцы к июню месяцу, в нашей истории, разумеется... Вот четыре двенадцатидюймовые артиллерийские батареи, орудия, само собой, устаревшие, может даже из китайских трофеев, поскольку известно, что современных у них не было даже на замену поврежденных стволов. Вот здесь, на острове Да-Чанг-Шан Дао, была отмечена телеграфная станция, а значит, поблизости находится и штаб. Вот не спрашивайте, откуда нам это известно, но под берегом этого острова, именуемого Хаз-Ян Дао, стоят на бочках два отряда номерных миноносцев, а чуть дальше на якорях – транспортные пароходы снабжения. Значит, так – предварительный план такой... Наш объединенный корабельный отряд подходит к островам с южного направления. Отражение контратаки японских номерных миноносцев – это дело моряков. Скорее всего, у японцев под парами будет находиться только один из двух отрядов миноносцев... сразу после их потопления мы спускаем на воду катера – два с «Трибуца» и два с «Вилкова». – Я посмотрел на лейтенанта Жукова. – Костя, твои вот эти два маленьких острова, прикрывающие ворота на внутренний рейд. На Хаз-Ян Дао пойдешь сам, для второй группы, которая пойдет на Су-ли Дао, подбери опытного сержанта, например, Бычкова. У берега пусть будут осторожны, особо не гоняют, судя по спутниковым снимкам, – я вывел на экран ноутбука детальную карту берега, – там мелко и много крупных валунов, которые могут даже обсыхать в отлив. Теперь слушай меня внимательно... Это твое первое дело, но ты особо не форси. Мне тут не нужны не только двухсотые, но и трехсотые. Напорешься на серьезное противодействие – лучше отойди и вызови «Трибуц», пусть они сперва на пару с «Быстрым» перекопают там все

артиллерией вдоль и поперек. Бычкову сам объяснишь то же самое. Понял? – Костя кивнул. – Теперь с тобой, Слон. Точнее, сначала с твоей второй группой. На нее желательно поставить Цыплакова, парень вполне зрелый. Его задача – миноносцы на якорях, те, что не затонут после артподготовки, и транспортные пароходы. В случае оказания сопротивления прикажи ему никого не жалеть. Твоя же цель – остров Да-Чанг-Шан Дао и расположенный на ней штаб. Идешь чуть позади катера Бычкова и проскакиваешь мимо заграждения на скорости, когда он уже вступит в бой и японцам будет не до тебя. Дальше, после высадки, атакуешь штаб, в темпе, не дав этим козлам опомниться. Александр Петрович, – повернулся я к Агапееву, – на эскадре или в крепости есть надежные офицеры, владеющие японским языком? – полковник отрицательно махнул головой, – тогда в плен бери по возможности старших офицеров, они-то обязательно владеют английским, а уж наши особисты убедят их говорить. Кстати, тебе могут встретиться рыжие «японцы» совсем не азиатского вида, этих брать только живьем. Да, вот еще что – там же могут быть склады МТО, все должно достаться нам в целостности и сохранности. Ну а остальное сам знаешь... Товарищи офицеры, вы свободны... Слон, пока не мы не отшвартовались, пришли кого-нибудь, пусть получают у лейтенанта Жукова ПНВ, камеры, радики и прочие причиндалы тактической системы. Свое пока поберегите, Бог даст, пригодится. Так, Костя, зайдешь ко мне через часок, будем разворачивать КП.

Когда мои лейтенанты вышли, я повернулся к Агапееву.

– Ну как вам, план, Александр Петрович?

* * *

14 марта 1904 года 12–35 по местному времени. Внешний Рейд Порт-Артура, 10 миль южнее Золотой Горы. БПК «Адмирал Трибуц».

Капитан первого ранга Карпенко Сергей Сергеевич

Ну вот, вроде все в сборе. «Быстрый», «Вилков», «Бутома» и оба МРК заняли свои места в походном порядке. На «Иркутск» по звукоподводной связи отсигналено, чтобы был готов к походу, а также что в укромности Эллиотов введем наш чемодан «без ручки» в надводном положении на якорную стоянку и замаскируем. Полчаса назад со мной на связь вышел адмирал Макаров. Значит, наши РТВшники уже закончили работу и, так сказать, наладили оперативный и

официальный канал связи. Видно, у адмирала накопилась куча вопросов, которые жгут ему язык. Вообще, если верить тому, что историки написали про Макарова, мы с ним два сапога пара. Оба не признаем половинчатых решений, оба склонны к атакующей тактике, оба в критической обстановке будем бороться до последнего. Но отвлеченные разговоры в сторону; на «Вилкове» в катер грузят еще один комплект радиооборудования, на этот раз для «Новика», монтировать его придется уже в пути. Времени до начала похода осталось ровно для того, чтобы забрать специалистов с «Аскольда» и высадить на «Новик», а потом надо будет быстро-быстро поднимать катер на борт, ибо время выйдет, совсем. Так что ни мне, ни Макарову сейчас не до долгих разговоров, у него тоже вполне себе стадо баранов. Когда я узнал, кто возглавит отряд миноносцев, который будет нас сопровождать, то чуть не упал. Лидером группы из трех миноносцев – «Страшного», «Сильного» и «Расторопного» – будет, конечно же «Страшный», потому что командует им аж целый капитан второго ранга, Юрасовский Константин Константинович, при том, что командиры двух других миноносцев просто лейтенанты.

Но смотрю на часы – время на разговоры почти вышло... Связываюсь со Степаном Осиповичем, получаю «добро», они тоже готовы. Ну, с Богом! Рукоятка машинного телеграфа переложена на «Малый ход» – и «Трибуц» медленно сдвигается с места. Вслед за нами движение начинает «Быстрый»... За ним на свои места пристраиваются «Вилков» и «Бутома». Теперь с нами больше нет тягучего хвоста из арестованных пароходов. Даже какая-то непривычная легкость в теле образовалась. Пока наш курс направлен прямо в Золотую Гору, но вот рулевой переключивает штурвал вправо – и после плавной циркуляции нос корабля направлен уже в открытое море, туда, откуда сегодня утром здесь появилась армада Того. Пока идем на восьми узлах, в пяти кабельтовых мористее нас второй кильватер из «Аскольда», «Новика» и трех миноносцев. Все время хочется назвать их эсминцами, но рано – не доросли еще детки. Все, походный ордер сформирован, сводная эскадра легла на условленный курс. Короткий обмен мнениями с «Аскольдом» – и добавляем ход до шестнадцати, по скорости нашего «Бутомы». Как там говорили викинги, идя на врага: «Берегись – я иду!» Степан Осипович в откровенном восторге от новых возможностей радиосвязи. Ну ничего, подождем, где-то на полпути до островов Эллиота «Новик» в эфир должен выйти.

А пока все в норме, эскадра на курсе, обороты машин номинальные, противника не видно, погода приемлемая, все катится как положено – а значит, есть время немного позасорять эфир, то есть поговорить на интересующие темы. Таем более что кроме Иванова на «Быстром» и Ольшанского на «Вилкове», нас никто

и не слышит. Ну разве что господь Бог, но ему для этого радио не обязательно. Как я понял, сейчас со мной говорил Макаров-кораблестроитель, которого интересовали перспективы кораблестроения в свете привнесенных нами новшеств, так сказать, «разговор на перспективу». А Макаров-флотоводец пока взял тайм-аут для оценки ситуации. А Степан Осипович все говорил о своем, больном:

– Да, Сергей Сергеевич, думал я, своими супер-минами вы весь класс броненосцев под монастырь подведете. Ну на кой черт, спрашивается, строить эти громоздкие, неповоротливые утюги, если их можно убить с одного выстрела...

– Есть такая возможность, Степан Осипович, – ответил я, – но, скорее всего, мой ответ будет «пока нет». Во-первых – пока мы можем воспроизвести только парогазовые торпеды, а у них и труба ниже и дым пожиже. Во-вторых – эскадра Того не имела правильного охранения из эскадренных миноносцев, способного предотвратить нашу атаку или атаку подводных лодок – еще одного врага линейного флота. И только со временем, когда появится оружие, которое точно бьет с загоризонтных дистанций и которому безразличны броня и размер – только тогда броненосцы будут обречены на вымирание, как только таких снарядов станет достаточно. Но до того еще минимум тридцать-сорок лет. Но все равно с сегодняшнего дня линейный флот утратил позиции абсолютного гегемона, и пострадает тут больше всего Британия – именно у них самый большой броненосный флот и утрата им пусть части боевой эффективности будет воспринята наиболее болезненно. Изменится весь геополитический баланс в мире. Хотя эти вопросы больше по ведомству господина Одинцова, это им приходится считать стратегические и геополитические балансы.

Э-эх, – Макаров на минуту задумался, – Сергей Сергеевич, будьте любезны, Вот вы сказали про ракеты «Быстрого», но на вашем корабле стоят такие же штуки, расскажите, будьте добры, что это такое?

– Все просто, Степан Осипович, мы с «Быстрым» как раз из разряда кораблей эскорта. Мы в основном против подводных лодок. А «Быстрый» в основном против надводных кораблей. Мины наши способны за своей целью на глубину идти. Но все это ближняя оборона, а вон эти, как вы их назвали, «штуки» – это восемь ракетных снарядов «Раструб-Б» предназначенных для поражения подлодок на расстоянии до пятисот кабельтовых. Каждый такой снаряд у себя в брюхе несет самонаводящуюся противолодочную мину. По надводным кораблям

не очень хорошее оружие, хотя есть и такой режим. Вот сделаем маленькую модернизацию, и можно будет применять, но только по небронированным целям.

– А почему, Сергей Сергеевич? – не понял Макаров. – Почему именно по небронированным?

– Степан Осипович, этот снаряд не имеет бронебойной головной части, а только фугасную. И вся модернизация будет заключаться в извлечении самодвижущейся мины и замещении ее равным количеством взрывчатки с сохранением центровки. А мину мы используем позже, по прямому назначению. Пусть взрыв получится и очень мощным, но это будет взрыв снаружи корпуса корабля, а не внутри, как в случае с «Москитом». Хотя крупные бронепалубные крейсера, которых у англичан тоже достаточно, он будет уничтожать на раз.

– Понятно! – ответил адмирал Макаров и перевел тему разговора: – Сергей Сергеевич, вы только что сказали, что и вы и «Быстрый» – это эскадренные миноносцы сопровождения. А водоизмещение? На мой глаз, у вас где-то от шести до восьми тысяч тонн. Это совсем уж не миноносец, а крейсер первого ранга получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/markova_aleksandr/pust-yarost-blagorodnaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)